КРОКОДИЛ

СВОБОДА ДЕЙСТВИЙ...

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

ЭСТАФЕТА ПЯТИЛЕТОК

Вл. МИТИН,
специальный корреспондент Крокодила

Договоримся сразу, читатель: я с вами. Против расточительства. Против неоправданного шика. Против растранжиривания. Даже тогда, если эти явления происходят под напором лучших чувств и широты души.

Будучи настроен именно так, я надвигался на борту ГАЗ-69 на Кореновский район, откуда и пришло донесение о тяге к чрезмерному шику. «Штатные излишества процветают,— негодовал заявитель.— Много ломают лишнего. Имеют шик. Подумать только! Даже цветы выписывают из Парижа...»

Окна «газика» прочеркивались пирамидальными тополями. Там, где не блистали салатной свежестью озимые, тучнела как раз та земля, кою очеркисты столь любят намазывать на хлеб вместо масла.

Я смотрел на мультипликационно рябившие тополя, а равно прочие древа, чьих названий не знал даже в пору изучения ботаники. Излишества, думал я. И у меня, верите, даже зуб заболел...

Тут я и увидел красочный знак, завлекавший в колхоз имени Кирова. Знак шел по всей показной мощности: в полнеба. Ага, решил я, вот оно и начинается.

Я настиг председателя колхоза Хамеда Юнусовича Багова в роскошном, пре-атличчейшем кабинете, и зуб мой на всякие излишества завострился еще горше. Я спросил председателя напрямик: не кажется ли ему, что здание правления такое, как бы это выразиться, *сверхшикарное — и бра, и ковры*, да и в целом зданьице...

— Да, кабинетик ваш чересчур просторен, на мой взгляд, — уточнил я свою мысль,— и так обильно уставлен комфортной мебелью. Опять же два телефонных селектора... Не густо ли?

Мы обменялись с председателем долгими лучистыми взглядами.

— Я вам отвечу, — сказал Хамед Юнусович. — Кабинетик, как вы изволили выразиться, — не мой. Артельный это кабинет, колхозный. И работающих у нас — семь тысяч шестьсот семьдесят шесть человек. Вы запишите в блокнотик. На память. Или для обмена опытом... Так вот, обширное представительство от всех бригад собирается здесь. Допустим, за пятилетку брались вытянуть такое важнейшее звено, как животноводство. И вытянули! Получили за это Красное знамя. Так, для примера: организованная за эти годы племенная свиноферма дает четверть миллиона прибыли в год. Почему бы не собраться здесь, в кабинете, сообща? Посудить-порядить — как дальше, в следующем пятилетии. И отчасти, понятно, немного отдохнуть. В порядке суровейшей самокритики заявлю, что спим зачастую по пять часов в сутки. Это, конечно, скверно! Ну, а насчет бра, ковров и селекторов, то вы еще не все видели. Давайте-ка, пока светло, поедем посмотрим...

Тут появился в «кабинетике» еще один человек. Он оказался Николаем Васильевичем Бобылевым, звеньевым механизированного звена. Николай Васильевич вслушался в разговор, подумал и заявил:

— А ведь председатель не все вам рассказывает. Неоткровенен он с представителем прессы. Вы блокнот не прячьте. Запишите... Я вам дополню, чего не сказал Хамед Юнусович. По производственным планам пятилетки мы стремились к девятимиллионному годовому доходу. А получили одиннадцать. Ажур, как выражаются счетные работники. Одних зерновых убрали 45 центнеров с гектара на круг. Почитай, что первые в крае начали взращивать самые высокоурожайные пшеничные сорта — «Кавказ», «Аврору». Между прочим, вы говорите — шик, а у нас оправдательный документ на этот счет имеется. Мы вот строим здесь настоящий город со всеми удобствами. Так это в Директивах XXIII съезда было указано! Там, в Директивах, прямо писалось о всемерном порушении грани города с деревней. Вот мы и рушим. Что тут долго говорить? Поедем посмотрим. Пока еще светло.

Покидая элегантное помещение конторы, я задержался у генерального плана-карты — в полстены, — рисующего нынешнюю и будущую географию колхоза. «Ого,— подумал я,— как это они тут только двумя селекторами обходятся? Сложнее, чем завод. Смотрите: молочнотоварных ферм — семь. Птицефабрика. Собственный хлебозавод. Рынок — один.

— Собираемся достраивать еще один, — агрессивно заметил председатель. — Крытый! Старое действительно ломаем. Имеются какие-либо возражения?

— Посмотрим, посмотрим, — уклонился я. — Пока на улице светло...

Едем, осматриваем местные «Черемушки» (стекло, бетон, Щусев—Корбюзье), детсады и ясли на восемьсот юных душ населения, а также свое, так сказать, придворное профтехучилище.

— Шик, шик... — словно бы про себя приговаривал председатель. — Не видали вы подлинного штатного шика... Мы вот, допустим, держим не только агронома-мелиоратора, но также и агронома-энтомолога. Записывать будете или нет? Если будете, то кстати отметьте, что колхоз обладает своими учащимися-стипендиатами.

— Батюшки! — говорю я и роюсь в карманах. — В здешних шести магазинах нет ли авторучек с розовой или голубой пастой? Мне как фельетонисту уже не с руки, знаете, все это дело описывать простыми чернилами...

— Нет, — смеется Багов. — Чего нет, того нет. Пишите, какими есть. И вообще недостатков пока хватает... Вон видите хибару? Ну, такое обшарпанное зданьице. Хотим и его сломать. В вашем «сигнале» оно указывается?

Я посмотрел, и точно — увидел архитектурное сооружение прошлого века, видавшее многие эпохальные бури. И мне самому захотелось лично его порушить. Бульдозером. Или силой печатного слова.

— Сберегательная касса, — пояснил председатель. — Вещь нужная, но эстетически портящая ансамбль.

— Ну, скажите, — спросил я на всякий случай. — А что там сохраняется?

— Тайна вкладов,— шепнул Багов.— Одно могу открыть: подкинули бы сюда «Жигулей» штук триста, так от них бы в магазине к вечеру и духу бензинного не осталось... Месячный заработок колхозника знаете как подскочил за пятилетку! Есть еще вопросы?

Не сдался я и потребовал показать Дворец культуры. Втайне уповая на излишества хотя бы здесь. Так сказать, на эксцесс в порядке строительного экстаза. Колонны, кариатиды... Ибо данный Дворец как раз и числился в заявлении, поступившем на имя редакции.

Любезный читатель! Следующее патетическое отступление я просил напечатать ну хотя бы нежно-сиреневой краской. За неимением в типографии таковой буднично описывается:

Без колонн. Ни единой кариатиды. Просто обидно: даже Аполлон призывного возраста не украшал, как говорится, своды этого храма. Широкоформатный экран, хоть для любого столичного кинозаведения. Свои собственные — хормейстер, режиссер, балетмейстер и...

— Ага! — вскричал я, кажется, уже не своим голосом. — Вот оно! А штатное расписание? Все-таки излишества! Не кажется ли вам, дорогой председатель, что это где-то граничит с непозволи...

— Можем. Можем себе позволить,— на этот раз очень твердо перебил меня Хамед Юнусович.— Наша чистая прибыль составляет около четырех миллионов. Ясно? И тратим ее для трудящегося человека. Ему на радость. Для его, если хотите, отдохновения. За пятилетку израсходовали на строительство свыше четырех с половиной миллионов. Стадион сделали, «Салон красоты» оборудовали. Лишнего здесь ничего нету. Так и запишите окончательно.

— А что еще будет! — подхватил присоединившийся к нам во Дворце партийный секретарь, механик Виктор Игнатьевич. — Полностью газифицируем станицу. Асфальт уж теперь везде положили, красота! Мы не хвалимся. Мы ведь и следующую пятилетку начинаем с таким же размахом. Мы, я имею в виду, весь здешний народ...

На прощание я попросил председателя хотя бы вкратце рассказать о себе и о лучших людях. На эту просьбу он отозвался так:

— Не просите. Хоть заколите авторучкой с простыми чернилами. Все мы люди, все человеки... Одни лучше, другие, возможно, похуже. Никого обижать не хочу.

Стоял на дворе поздний вечер, и председатель посмотрел на меня, как на Красную Шапочку:

— Вы еще не все посетили. Предлагаю осмотр местного ресторана. Фрачный метрдотель. Джаз. Песни народов мира...

— Какие там песни! — Я опять схватился за щеку. — Не до джаза... Я тут одну пикантную деталь вспомнил из заявления. Говорите прямо: выписываете цветы из Парижа?

— Скажу прямо. Не выписываем, а, наоборот, сами посылаем цветочные семена не единственно в город на Сене, но даже и в Японию... На склоны горы Фудзиямы, так сказать... В ответ получаем не только письменную признательность, но и крепкое финансовое «мерси». Это «мерси» означает 240 тысяч рубликов. Заявитель ваш просто отправителя с получателем перепутал.

— Так, так, так,— совсем без критического энтузиазма сказал я.— Хорошо, братцы, живете. Ну, а мне пора-таки и назад. Да только, пока я авансом на вас злился, видите, как у меня щеку раздуло?

— Зуб? — сострадальчески молвил председатель. — Ай-ай-яй... Надо его рвать. Разумно расставаться со старым, отжившим... Поедем в нашу колхозную стоматологическую.

Я кокетливо уклонялся, упирая на то, что мой друг, московский доцент Виталий, разделается с проклятым коренным по всей форме...

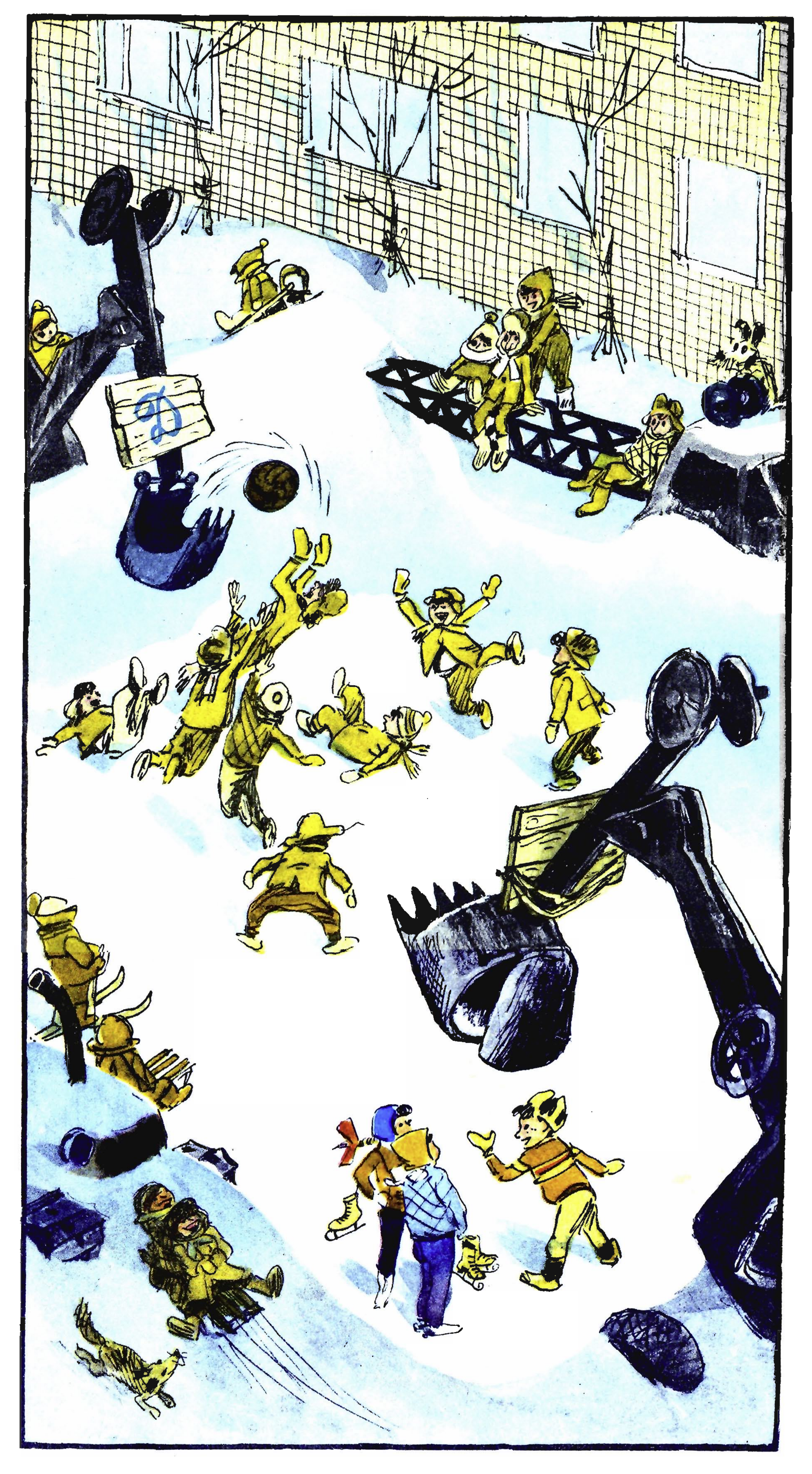
Кончилось дело конкретным насилием. Меня притащили. Я повесил сорочку, в которой когда-то родился, на вешалку. В голове моей носились нужные слова вроде «кубыть», «хрясь» и «козья ножка»... «Хрясь», правда, было. И когда я в позе роденовского мыслителя еще отупело восседал в кресле, председатель нагнулся и прошептал:

— Крепитесь. А вообще собираемся выписать маску с «веселящим газом». Для шика. А?..

Я ехал восвояси без зуба на колхоз — фактически и фигурально. В лицо бил такой аромат набиравшей силу земли, что я волей-неволей задумался о кубанских розах на берегах Сены...

Я вынул кусок хлеба и хотел вправду намазать его черноземом, да вовремя вспомнил, что два часа мне предстояло не есть...

Краснодарский край.

— Уже третий год наша дворовая команда — чемпион микрорайона.

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

В. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
специальный корреспондент Крокодила

БЕЗ ВИНЫ ВИНОВАТАЯ

На хмурой Балтике лежал туман, когда на рейд вышло судно и порт Клайпеда получил нотис:

«Саломея Нерис» идет на Дальний Восток. Готовьте посылку».

«Посылка готова, — ответила Клайпеда, — бочкокомплекты. Давай, рыбаки, заходи в порт на погрузку».

Здесь Балтика развеселилась.

— Ха-ха-ха! — докатился до берега густой, как гудок, бас.— Везти клепку в тайгу!

— Смейся, рыбак! — съязвил берег. — Указание Минрыбхоза!

И тут рыбак умолк. Правда, не угомонился, сигнализировал нам:

«Торопитесь увидеть и отразить в печати необыкновенное путешествие обыкновенной клепки из Европы на Дальний Восток».

Я примчался в Клайпеду, чуток запоздав: «Саломея» уже огибала Францию. И я поспешил взять интервью на бондарно-тарном комбинате:

— Откуда дровишки-то берете для клепки?

— Из лесу, вестимо, — сообщил бригадир бондарей Василяускас. — Из Коми, Карелии и Предуралья. Железнодорожники, значит, возят, а мы — тук-тук. А затем туда ее, клепку, в тайгу. Скажите, как там по оперативным сведениям — не облысела еще тайга?

Тайга, конечно, стояла в целости. И потому первым делом, вернувшись в Москву, я закинул удочку насчет путешествия клепки на «Саломее Нерис» в транспортном отделе Минрыбхоза.

— Что «Саломея»! — сказал старый морской волк и начальник отдела тов. Кориневский. — Плотва. Рыбешка. Взяла восемьдесят тысяч бочкокомплектов. А сколько мы перекинули судов с Запада на Восток? Почти двадцать! И все с клепкой.

— Ну? — выпалил я, несколько ошалев. — И радуетесь?

Морской волк доверительно изложил мне в ухо:

— Вы слышали, какой фортель выкинула атлантическая селедка? О! Больше половины куда-то смылось. А едок требует: давай на стол малосольную! На закуску. Мы навалились на тихоокеанскую. И успешно перекинули туда тару.

Итак, стало быть, путешествие клепки в тайгу — это даже подвиг Минрыбхоза в смысле выхода из фортельного положения. Надо радоваться и ликовать. Но стесняет вопрос: а куда смотрел его НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии? Что *он*, не учуял фортеля, не насторожил рыбаков — словом, плетется в хвосте у селедки?

— Мы в хвосте?! — обиделись в НИИ. — Да мы давно насторожили рыбаков. Им нужно было сразу навалиться на тару в тайге.

Значит, наука — молодец. Спал отдел тары Минрыбхоза.

— Мы? Мы не спали! — поклялся отдел.— Наоборот, тормошили «Союзпромтару» Минлеспрома: каждый год недодает нам сырья примерно на четыреста тысяч бочек. Не любит, видимо, селедку.

Выходит, Минрыбхоз целиком молодец. А «Союзпромтара» плохая.

— Это мы-то плохие, не любим селедку?! — заволновались в «Союзпромтаре».— Мы, которые даем Минрыбхозу сырья на все сто процентов.

Как видите, «Союзпромтара» Минлеспрома тоже хорошая.

Но кто же плохой? Кто вынудил Минрыбхоз везти клепку и бочки почти вокруг света? Кто арбитр? «Союзглавтара» Госснаба.

В ее руках вся тара страны.

— Нет, Минлеспром с сырьем, конечно, подводит, — разъяснили там, — но и Минрыбхоз хорош: всю жизнь ему тары в тайге не хватает.

А «Саломея Нерис», прошу заметить, благополучно миновала могучий Атлантический океан и, обогнув Африку, бороздила уже Индийский.

«В общем, все хорошие, молодцы! — размышлял я, покидая гардероб «Союзглавтары». — А между тем деньги летят за борт. И есть арбитр, который все видит, знает. Почему он не вмешивается?»

И тут я был потянут за рукав гардеробщицей.

— Послушай, сынок, — доброжелательным полушепотом сказала она, — вали все на селедку. На нее завсегда валили: дескать, фортели и все такое. Малосольная, она не пожалуется.

Правильно, во всем виновата только селедка.

Клайпеда — Москва.

Л. ЕМЕЛЬЯНОВ

Рассказ

Семидесятидвухлетняя одинокая старушка Пелагея Петровна решила наконец, несмотря на непогоду, выйти из дому и купить кое-что из продуктов в близлежащем продовольственном магазине.

— Мне, милая, сахару полкило, макарон полтора кило, дрожжей палочку, потом колбасы любительской триста, мармеладу триста пятьдесят граммов,— протянула Пелагея Петровна деньги кассирше.

— Два восемьдесят семь,— выкрикнула кассирша и выкинула Пелагее Петровне чеки.— Скажите в макаронах, что я недобила 18 копеек.

— Почему?— насторожилась Пелагея Петровна.— Я вам все денежки сполна дала.

— Так надо, бабуся,— терпеливо объяснила кассирша старушке.— Иди, не бойся.

— У меня восемнадцать копеек недобито,— сказала Пелагея Петровна продавцу.

— Добивайте.— И продавец, откинув чек в сторонку, принялась обслуживать другого покупателя.

— Это не у меня недобито, а у нее.— Пелагея Петровна показала рукой в сторону кассирши.

— Маш! Это у тебя недобито?— закричала продавец кассирше.

— У меня! Восемнадцать копеек.

— За что?

— А за мужика бородатого.

— Маш! — смутилась продавец. — А он у меня ничего не брал. Он за конфетами стоял, я видела.

— Бабушка!— закричала кассирша Пелагее Петровне.— Иди сюда. Я вам перебью.

Пелагея Петровна оставила занятую было снова очередь и подошла к кассе.

Кассирша долго считала на счетах, а потом, кинув Пелагее Петровне новые чеки, сказала:

— Идите, бабушка, в мармелад. Я вам туда недобила семьдесят копеек. Там скажете.

— У меня тут недобито,— сказала Пелагея Петровна, протягивая чек.

— Мария!— закричала продавец сладостей.— Ты опять, что ли, недобила?

— Ага!— закричала кассирша.— Я и за мужика бородатого подсчитала, и за тетку-склочницу, и за студента.

— Что-то мало!— буркнула продавец, схватив счеты.— Иди, бабка, обратно в кассу,— сказала она Пелагее Петровне,— мало Машка денег недобила.

— Господи!— проворчала кассирша Маша.— Запутали меня совсем. Что тебе, бабушка, надо?

— Мне, милая, сахару полкило, макарон полтора, дрожжей палочку, колбасы любительской триста граммов, мармеладу триста пятьдесят.

— Сколько денег я тебе насчитала? — строго спросила кассирша Пелагею Петровну.

— Два восемьдесят семь,— ответила тихо Пелагея Петровна,— а вы мне вначале восемнадцать копеек недобили, а потом перебили и сказали, что недобили семьдесят.

— Ну, правильно!— воскликнула кассирша, пересчитав все еще раз на счетах.— Что они мне голову морочат? Что ты мне голову морочишь?— закричала она продавцу макарон.— Правильно я недобила восемнадцать копеек, за студента.

— За студента правильно. Восемнадцать,— подтвердила продавец, — а за бородача неправильно.

— Ну?— выжидательно спросила кассирша.— А я что говорю?

— А ты за бородача.

— Ну, ошиблась,— согласилась кассирша.

— Ошиблась, конечно,— подтвердила продавец,— конечно, за студента восемнадцать копеек.

— А мне чего?— спросила Пелагея Петровна.— Ждать или идти?

— Чего ждать?— удивилась кассирша.— Иди, бабушка. В колбасе скажешь, что я сейчас специально туда перебиваю, потому что раньше ошибочно недобила сорок копеек.

— Что это она?— удивилась продавец колбасы.— Не буду я брать этот чек. Идите, бабушка, отдайте его обратно.

— Ты чего?— закричала кассирша на продавца колбасы.— Зачем старого человека гоняешь? Сказано, перебито, значит, перебито. Отпускай! Иди, бабуля, получай свою колбаску,— ласково обратилась кассирша к Пелагее Петровне,— объяснишь там, что я перебила сорок копеек за счет недобития.

— Не буду я отпускать!— заупрямилась продавец.— Она перебивает, а я отпускай! И вы тоже, бабушка, как не стыдно?

— Чего вам, гражданка? — изумилась кассирша, снова увидев около своей кассы Пелагею Петровну.

— Мне, милая, сахару полкило, макарон полтора, дрожжей палочку, колбасы любительской триста граммов, мармеладу триста пятьдесят.

— Ну и?— Кассирша выжидательно посмотрела на старуху.

— Что «ну и»? — растерялась Пелагея Петровна.

— Сколько всего выходит?

— Два восемьдесят семь. Мне, милая, сахару полкило, макарон полтора, дрожжей палочку, колбасы любительской триста, мармеладу...

Кассирша сидела молча, выслушивая монолог старухи.

— Давайте чеки обратно,— гневно сказала она, снова начав перебирать костяшки счетов.— Все правильно! Восемнадцать за студента в макароны, сорок за недобив в колбасу, семьдесят за конфеты. Все правильно... Что ты, бабушка, теперь-то хочешь?

— Два восемьдесят семь,— твердо сказала Пелагея Петровна.

— Во дает, старая!— восхитилась кассирша и, выкинув ей один-единственный чек, добавила: — Так бы сначала и говорила! Иди налево...

— ...Нет у нас сейчас такого товара. Кончился,— сказал Пелагее Петровне продавец. И, глянув на ее изумленное лицо, строго добавил:— Берите по четыре двенадцать. Добейте в кассу.

— Не буду!— упрямо возразила Пелагея Петровна.

— Как хотите,— согласился продавец,— можете доплатить мне.

Пелагея Петровна заполнила оставшуюся разницу и, взяв покупку, вышла из магазина. А вслед ей донеслось...

— Маруся! — кричал продавец винно-водочного отдела.— У меня старушка-пьянчужка за «Экстру» доплатила рубль двадцать пять. Так что перебей кого-нибудь...

— Ну, как новый мастер?
— Серьезный мужик. Уже начал гайки закручивать...

Рисунок Б. САВКОВА

Д. ЯСИНОВСКИЙ,
специальный
корреспондент Крокодила

ДЛЯ ДОМА, ДЛЯ СЕМЬИ

Придя на работу, начальник районной милиции подполковник Тазабеков прежде всего повелел принести почту.

В папке, на самом верху, лежало заявление, которому подполковник придал самое серьезное значение. Некая гражданка Дугашева сообщала, что она ужасно хочет купить автомашину. И не просто машину, а непременно «Волгу».

Немало нашлось бы милицейских начальников, которые в такой ситуации просто посоветовали бы гражданке обратиться по другому адресу, а именно в магазин. Но тов. Тазабеков не скатился к такой нечуткости.

Прочитав заявление, подполковник тут же связался с заместителем председателя райисполкома тов. Машуровым.

— Салям, Аблиз, — сказал в трубку Тазабеков. — У меня на столе заявление некой гражданки Дугашевой. Она очень просит помочь ей приобрести машину. Полагаю, что это следует сделать. А то, понимаешь, что ни покупатель машины — все мужчина да мужчина. Может возникнуть впечатление, будто мы женщину еще не раскрепостили. Неверное впечатление! Согласен?

— Да.

— Тогда выделяй машину.

— Нет.

— Как это нет? Ведь ты сказал «да»!

— Да — это насчет неверного впечатления. А насчет «Волги» — нет. Нету сейчас у нас машин. Придется ей подождать своей очереди.

— Э, зачем очередь? Женщина за рулем — принципиальный вопрос. Придется пойти на то, чтобы продать ей милицейскую «Волгу». У нас есть такая в распоряжении вневедомственной охраны.

— Ну что ж, дело хозяйское. Тем более, в исполкомовской комиссии по реализации машин ты не последний человек.

Не откладывая в долгий ящик, тов. Тазабеков тут же вызвал к себе начальника вневедомственной охраны милиции тов. Атабаева.

— Тут есть одно срочное, можно сказать, принципиальное дельце. Я уже говорил с зампредом. Давай пиши.

— Что писать, кому писать?

— Пиши мне — начальнику Панфиловского райотдела милиции подполковнику Тазабекову. Напиши, что имеющаяся у вневедомственной охраны машина «Волга» непригодна для обслуживания и проверки сторожевых объектов в сельской местности, что для этой цели желательно иметь грузовую, бортовую машину. И дальше: имеющуюся автомашину «Волга» № 35—00 ТКА по решению исполкома райсовета депутатов трудящихся реализовать через торгующие организации, на что прошу вашего согласия.

— Постой, Кумисбек, чего-то не пойму. Чье согласие я должен получить!

— Мое!

— Так ты же сам меня об этом просишь!

— Я прошу, ты просишь — какая разница?

Когда документ был составлен, тов. Тазабеков обратился к зав. райфо Илимжанову, возглавляющему райисполкомовскую комиссию по оценке реализуемых машин.

— Абдыман, дружище, дело за тобой. С Машуровым я этот вопрос обговорил. Тут есть одна гражданочка, Иис Дугашева, которая страстно желает сесть за собственный руль. А машин, понимаешь, пока нет. Поэтому я решил пожертвовать милицейской «Волгой». С твоей же стороны требуется, чтобы эта машинка была, как говорится, по-божески оценена. Иначе, понимаешь, эта гражданочка ее не осилит, и придется ей пережить разочарование.

— Ясно, Кумисбек, не трать лишних слов. Потолкуй со своим подопечным — старшим инспектором Лысаковым. Он специалист, его слово при оценке решающее.

Капитан ГАИ С. В. Лысаков понял подполковника с полуслова. Предназначенная для продажи «Волга» потянула лишь на 25 процентов первоначальной стоимости.

Не тратя времени, Тазабеков провел короткую беседу с третьим членом комиссии по реализации машин — председателем райплана Р. И. Ботовой.

И появилось решение комиссии. Оно содержало три пункта и три подписи:

«1. Разрешить районному отделу охраны реализовать автомашину «Волга» М-21 № 35—00 ТКА через магазин райпотребсоюза.

2. Обязать председателя райпотребсоюза тов. Абилова Р. автомашину «Волга» реализовать тов. Дугашевой Иис.

3. Районному отделу милиции произвести соответствующее оформление документов.

А. Машуров, Р. Ботова, К. Тазабеков».

Через день, сидя за вечерним чаем в кругу семьи, жена подполковника передала мужу следующую петицию:

«Начальнику Панфиловского РоВД подполковнику Тазабекову К.

Прошу Вас произвести регистрацию купленной мною автомашины «Волга» на мое имя.

К сему Дугашева».

Начальник не спросил, каким образом официальная бумага оказалась на обеденном столе. Не бюрократ он, тов. Тазабеков. Поэтому он просто придвинул к себе бумагу и наложил резолюцию наискосок:

«Т. Лысакову. Произвести перерегистрацию. Тазабеков».

Когда я попросил дать мне адрес автоспортсменки Иис Дугашевой, адрес дали. Но встреча не состоялась. От ее соседей, сидевших у дома на лавочке, я узнал, что уж несколько месяцев, как Иис Дугашевой, к несчастью, нет среди нас.

— Что же случилось с активной спортсменкой? — спросил я. — Неужели авария?..

— Какая авария? Какая спортсменка? Нашей Иис, царство ей небесное, было без малого девяносто, и аллах затребовал ее к себе...

Уверенный в том, что происходит какое-то недоразумение, я продолжал расспросы:

— У кого можно уточнить, что с нею произошло?

— А вот обратись, милый, к Кумисбеку Тазабекову. Он главным начальником в милиции служит. Подполковник он. У него все узнаешь. А кстати, он этой Иис зятем приходится, на ее дочке женатый...

— Простите, а как же «Волга»? — начал было я и осекся, увидев сияющую лаком машину и зятя подполковника за рулем.

г. Панфилов,
Казахская ССР.

МОЯ РЕКЛАМА

Рисунок В. СОЛОВЬЕВА

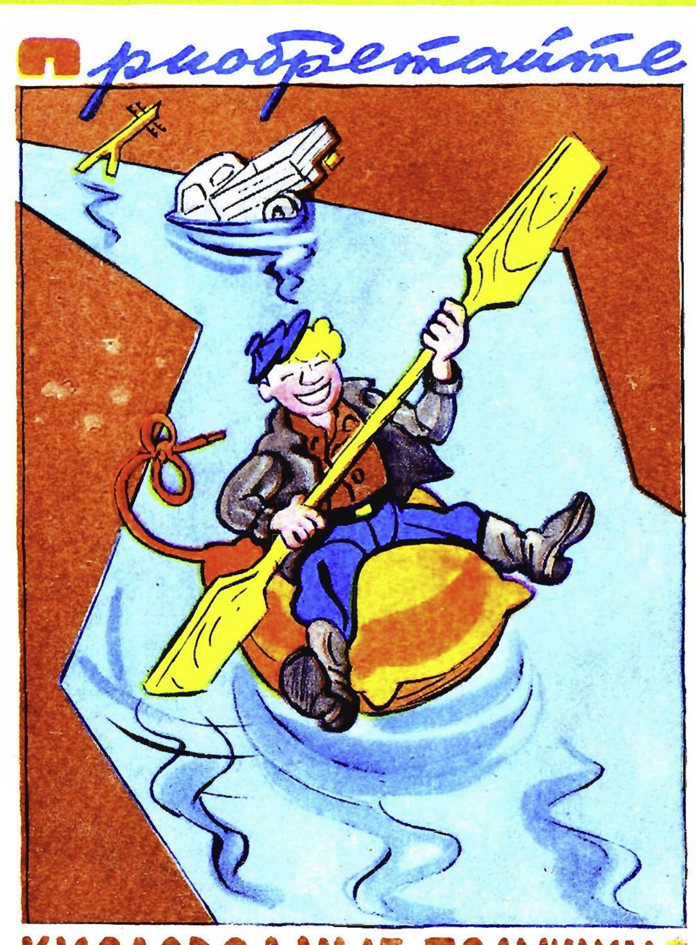

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Мих. ЗАБОРСКИЙ

Репродуктор этот с давних времен висел на высоком столбе, около лодочного причала, и обслуживал с десяток избушек, сгрудившихся в Зареченском тупике.

Ветеран радиофикации работал безотказно от утренних позывных до полуночного боя Спасских курантов.

От времени он несколько пообносился, иногда в нем будто что-то соскакивало, крякало, и тогда вместо мелодии или голоса диктора из черного зева неслись клокочущие, хрипящие звуки.

Когда это случалось, Иван Семеныч, мужичок небольшого роста, рыжеватый, с кривыми кавалерийскими ногами и щетинистой бородой, пулей выскакивал из ближайшей избы и, изрыгая хулу на местную администрацию, катился наподобие колеса к сельсовету, расположенному на деревенской площади.

Невозмутимый председатель сельсовета Чусов уже заранее знал, в чем дело, и, выглянув из окна канцелярии, вызывал связиста Виктора Цыпина.

Виктор, унылого вида долговязый детина с вечно подвязанной щекой, молча вышагивал к месту происшествия, надевал «когти», залезал на столб и вскоре возвращал агрегату первородное звучание.

Потом между Виктором и Иваном Семенычем происходил краткий диалог:

— Сыми ты эту чуму к собачьей маме! Господом Христом прошу! — писклявым голосом требовал Иван Семеныч.— Ведь я скоро за ее на Канатчикову угожу!

— Культуры не принимаешь,— без улыбки ответствовал Виктор.— Серый человек!.. А, между прочим, почему тебе самому на столб не слазить, если так уж невтерпеж? Тебе и «когти» не занадобятся. На своих природных заберешься.

Иван Семеныч молча сносил оскорбление и возвращался в избу. Он садился у окна и с ожесточением начинал загонять гвозди в очередной каблук, с нескрываемой злобой поглядывая на репродуктор.

Иван Семеныч был последним из могикан, так и не осчастливившим колхоз своим вступлением. Он кустарничал по сапожной части, перебивался усадебным участком и всякими случайными делишками.

Как всякий представитель свободной профессии, Иван Семеныч не пользовался у председателя сельсовета большим авторитетом, и поэтому многократные его просьбы убрать громкоговоритель успеха не имели.

— Значит, не ндравится?.. Имеем претензию! — наваливаясь тощей грудью на письменный стол и разминая в пальцах тугую сигарету, прищуривался Чусов.— Дело понятное! А вот колхозник либо там служащий человек, он жаловаться не пойдет. Ни в жизнь! Ему, если ты хочешь знать, и некогда... А ты, Семеныч, чудак, право! Мы же тебе все условия создали: под музыку, небось, много бойчей гвозди заколачивать?

Он поднимал вверх измазанный самопиской палец, что означало окончание аудиенции.

Несколько раз Иван Семеныч, до предела пропитавшийся ненавистью к репродуктору, пытался втихаря сбить или искалечить его каменюкой. Но агрегат висел высоко, прикреплен был на совесть, а метальщик из Семеныча получался неважный. Так ничего и не выходило...

В этот вечер мы запоздали с рыбалкой и возвращались домой в кромешной тьме. Дело шло к сентябрю, небо было густо обложено тучами. В тупичке, должно быть, все уже спали.

В торжественном молчании осенней ночи бодрствовал один репродуктор.

Мы подчалили под какой-то концерт. Конферансье объявил арию Дубровского.

— Замечательная ария! — сказал я приятелю.— Вот уж никогда не надоест!

— Неплохая,— согласился он, позвякивая лодочной цепью.— Я тоже люблю.

В этот момент исполнитель мягко включился в мелодию оркестра:

— О дай мне забвенье, родная!..

Задрав головы, мы с наслаждением внимали певцу. Но когда он на высочайшей патетической ноте заканчивал вступление, произошло что-то непонятное. Сначала нам показалось, будто исполнителя схватили за горло. Потом послышалась какая-то возня. Потом сильные удары по металлу. И наконец раздался пискливый голос:

— Ах, дать?.. На, на!..

— О, да-а!.. О!..— вскрикнул тенор, словно раненая птица, и смолк.

— На, на! — с каким-то сладострастием продолжал голос.

Затем с высоты на берег шмякнулось и загремело что-то тяжелое.

Мы подбежали ближе и осветили столб фонариком. На цыпинских «когтях» сверху неторопливо спускался Иван Семеныч. За поясом у него что-то поблескивало, оказалось — топор. Лицо у Ивана Семеныча было одухотворенное, как, к примеру, у члена Союза охотников, только что удачно отстрелявшего крупное хищное животное.

Спустя пять минут после стихийно возникшего переполоха Иван Семеныч безропотно отдался в руки правосудия—подоспевшему участковому. Тут же оказался и Виктор Цыпин, который чуть не зашелся в уме, третьи сутки подряд разыскивая пропавшие «когти».

На другое утро Чусов вызвал связиста в сельсовет.

— Слушай, Виктор,— сказал председатель, по привычке распластываясь грудью на столе и подвигая к себе пепельницу.— А на кой ляд, в самом деле, сдалась нам эта бандура? Нынче по деревне в каждой избе свое радио. Тетка Мотя, так та даже стереофонию отгрохала. За двести тридцать — это тебе не жук чихнул!.. Ну, я понимаю, ежели день какой особый, тогда запускай на всю катушку. Это уж само собой... А он,— Чусов кивнул в направлении речки,— пущай на сегодняшний день в гробовом молчании перевоспитывается. Как, все одно Шильонский узник... Может, и дойдет своим умом.

Между прочим, дело это теперь уже прошлое. Иван Семеныч скоро три года, как взошел в колхоз и успешно трудится по шорной части. И радио у него есть тоже. Не какое-нибудь — спидола!

НУЖНЫ ЛИ ДЫРОЧКИ?

Дружище Крокодил! 18 ноября я отправлял из Ленинграда в Омск посылку с фруктами. Авиапочтой. Хотел как лучше. Чтобы скорее дело было.

Но в почтовом отделении № 208, на Пушкарской улице, мне сказали, что я посылку оформил неправильно.

— В ящике нужно просверлить дырочки. Для вентиляции.

Вот какие странности! Если вы посылаете фрукты обычной посылкой, дырочек с вас не спрашивают. А ведь поездом посылка идет дольше.

Б. ЧИЖЕВСКИЙ, г. Ленинград.

Прочли мы это письмо и задумались. Чего только не бывает в жизни! Вот бакинец тов. Солдатов тоже связался с фруктовой посылкой. Он захотел, чтобы его московские родичи полакомились азербайджанскими солнечными плодами. Посылка поехала поездом. Отправили фрукты 20 октября, а в Москве получили их 10 ноября. Ящик был без дырочек, и москвичке тов. Солдатовой оставалось лишь вывалить готовый кисель на тарелки. Вот только никто не смог установить, из чего был этот кисель: из дынь или из винограда?

А представьте, что в ящике были бы дырочки! Ведь через них весь кисель бы вытек. И что бы тогда получила гражданка Солдатова? Пустой ящик? Кому это нужно?

Поделиться на этот счет опытом может и тов. Мамакин. Он понадеялся на Аэрофлот. Начиталса, знаете, всяких реклам.

Правда, ленинградский институт, в котором работает тов. Мамакин, послал в Москву по воздуху не фрукты, а детали для очень нужного институту автомата, который делал один московский завод.

А когда тов. Мамакин прибыл в Москву для испытаний и приемки этого автомата, москвичи страшно удивились:

— Чем приезжать, вы лучше бы детали прислали. Без деталей мы автоматы делать не обучены. Где детали? Послали самолетом? Ну, и ищите их сами.

В московских аэропортах Мамакину сказали:

— Ваши детали до нас не долетали. Ищите их в Ленинграде.

— Ищите их в Москве,— сказал Ленинградский аэропорт.

И вот тов. Мамакин ищет. Ездит из Ленинграда в Москву и обратно. Четыре раза уже мотался. Ленинград говорит: «Мы отослали в Москву». А Москва говорит: «Мы не получали».

А самолет между этими двумя городами порхает без посадки. Тов. Мамакин высказал такую гипотезу, что ящик с деталями отделился от самолета и где-нибудь носится по орбите, как спутник.

Ну и что? Ведь детали — груз нескоропортящийся, в кисель не превратятся.

Так что можно посылать посылки и самолетом и поездом. И добиться одинакового результата. Это как повезет. В буквальном и переносном смысле.

Е. АЛЕКСАНДРОВА

Во втором и четвертом номерах за этот год Крокодил напечатал шутливые подборки «Имитация Кипучей Деятельности». Советы, как ее имитировать, давал консультант, назначенный редакцией. Как и следовало ожидать, вскоре у него появились добровольные помощники — читатели и художники.

Сегодня мы печатаем подборку, составленную ими

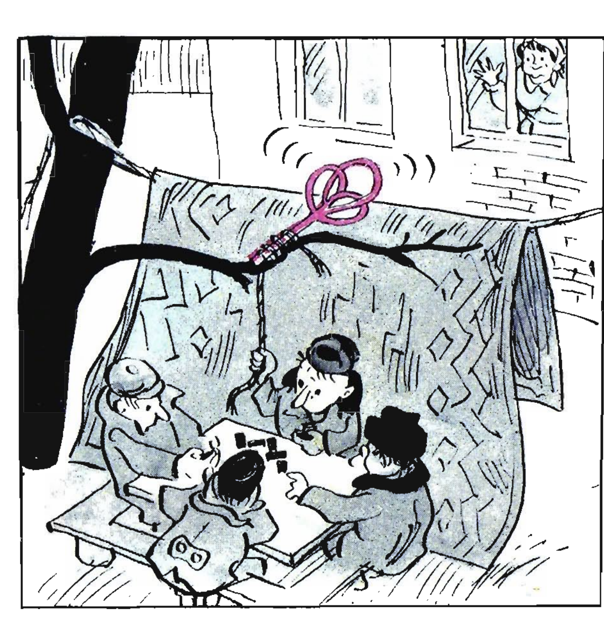

Рисунок В. ЖАРИНОВА

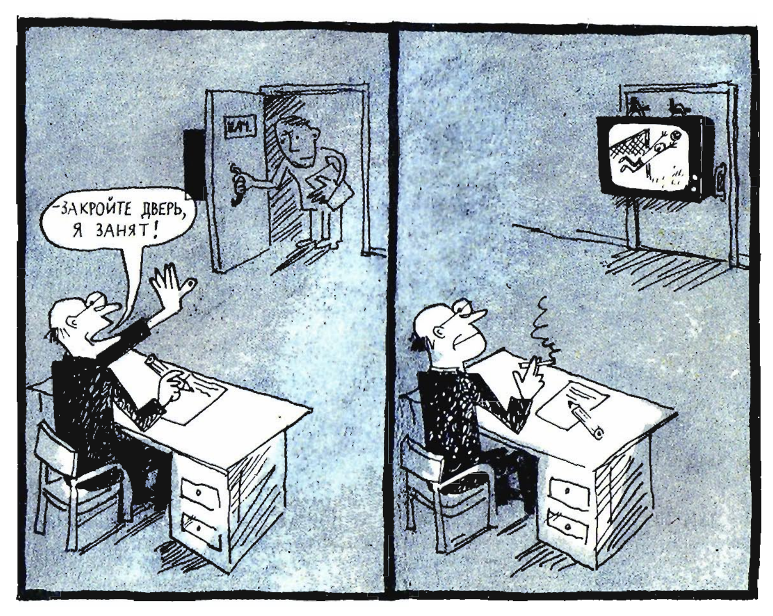

Рисунок С. СПАССКОГО

— Наталья, приведи-ка одну для пробы!

Рисунок С. КУЗЬМИНА

Ташпулат ХАМИД

Урючинка

Чуть дождавшись неверного теплого лучика,
Первой белое платье надела Урючинка.
Закачали деревья ветвями безлистными:
«Не случайно своей красоты мы не выставили.
Хороша ты, нет слов, но еще молода.
Не спеши, вдруг нагрянут опять холода».
«Я красива! — ответила гордо Урючинка.—
Не к лицу мне стоять почернело и скрюченно.
На меня не машите ветвями без завязи.
Нету почек, так лопайтесь сами от зависти!»
И она расцвела, лепесточки расторгнув,
И стоит, окруженная бурей восторгов.
Самой ранней звездой она светит в саду...
Вдруг задвигались тучи и ветер задул.
Жжет мороз, тонкой коркой подернув арыки.
Нежный шелк лепестков
превратился в обрывки.
Об Урючинке шепот плывет меж деревьями:
«Поспешила расцвесть,
отцвела прежде времени».

Перевел с узбекского В. ПОЛУЯН.

Вам, книголюбы!

Точный диагноз

Больной отер со лба холодный пот и н[illegible]л, слегка заикаясь:

— Еще два года назад, доктор, я был сильным, здоровым мужчиной. На заводе меня уважали. Семья моя крепкая, дружная. В роду ни алкоголиков, ни наркоманов. И вот... — пациент горько вздохнул и шмыгнул носом, — два года назад все рухнуло.

— Что же все-таки *произошло?* — полюбопытствовал доктор.

— Меня одолевают ночные кошмары! Стоит только закрыть глаза, как жуткие видения начинают терзать мою душу.

— Пожалуйста, расскажите о каком-нибудь вашем ночном кошмаре.

— Сегодня ночью я видел пожилого человека. Он расположился на берегу моря с мольбертом. А сзади к нему подкрался убийца, накинул на голову сачок, которым вылавливают морских звездочек...

— Стоп! — воскликнул психиатр страшным голосом. — Дальше я расскажу ваш бред сам. Убийца накинул на голову жертвы сачок, опрокинул старика наземь и затем «сильно ударил геологическим молотком». Вот почему у трупа «под подбородком зияла глубокая рана».

Пациент ошалело уставился на врача.

— Д-д-октор, — прошептал он, заикаясь, — вы гений! Как вы смогли угадать?..

— Следующий бред! — приказал психиатр.

— Так... Значит, я вроде нахожусь в вагоне поезда. Подошел встречный поезд. И вдруг я вижу... У окна напротив появился мужчина. Его руки впились в горло женщины.

— Верно! — воскликнул психиатр. — А дальше вот что. «Женщина диким, безжизненным взглядом смотрела на мужчину, а его пальцы медленно, безжалостно сжимались. В следующее мгновение глаза ее стали вылезать из орбит, лицо побагровело, налившись кровью...» Прошу вас, следующий кошмар.

— Старуха сидит у окна...

— А ей из ружья всадили пулю в левый глаз. А потом вы увидели, как некая мадам Шевасу стреляла в жену учителя за то, что эта невзрачная учительница вела себя с бравым месье Шевасу, «как свинья с хряком».

— Боже мой! — только и мог пролепетать ошеломленный пациент. — Мне еще снился мясник по фамилии Марселен. Он все орал...

— Мясник орал вот что: «Все-таки я ее прикончил, клопиху! Прикончил я ее или нет?» — Психиатр вдруг всхлипнул и стал медленно опускаться на пол.

— Что с вами, доктор? — всполошился больной.

— Ничего... Сейчас все пройдет... Дальше рассказывайте.

— Вот еще убийство... Одного субъекта в собственном доме пырнули ножом.

— Точно! — вскричал психиатр. — А доктор, осматривавший труп, похвалил убийцу. Он сказал: «Ловко! Немножко многовато крови... Но ловко. Удар чертовски хорош. В левый желудочек, снизу». А убитый вам померещился таким: «Комок вздувшейся на шее вены был жирным и страшным, как у свиньи, висящей в морозильнике мясной лавки».

— Доктор!

Пациент опустился на пол рядом с психиатром. Некоторое время они сидели молча, тесно прижавшись друг к другу и вздрагивая. Наконец *больной* спросил:

— Так как же насчет диагноза, док?

— Диагноз? Диагноз точен. Дело в том, что вы выписываете литературно-художественный и общественно-политический журнал «Звезда Востока» и читаете детективы, которые этот журнал печатает.— Эскулап горько вздохнул.— Я тоже выписываю этот журнал.

— Так что же нам делать, как излечиться?

Доктор хитро подмигнул.

— Есть один рецепт. Пробраться в кабинет главного редактора журнала и...

Затем оба тихо выскользнули из клиники...

Ужасное злодеяние им совершить, к счастью, не удалось. Сейчас они находятся в одной палате.

О. СИДЕЛЬНИКОВ

г. Ташкент

По теме читателя С. ДОНЦОВА (г. Харьков).

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

По теме читателя Л. ХОРОШУНА (г. Ленинград).

Рисунок Е. ГУРОВА

В. КНЯЗЕВ, В. ШИКУНОВ

Рассказ

ДУША-ЧЕЛОВЕК

Петр Федорович Мудров переходил на работу в другую организацию. Все мы, его сослуживцы, были искренне огорчены.

— Ни один приказ в жизни,— сказал рядовой сотрудник Древнюк, когда мы все стояли в коридоре у доски приказов,— не будил во мне такой печали, как этот, об увольнении Петра Федоровича. Даже когда мне выговоры объявляли.

— Да, выговоров у тебя много,— с упреком вздохнул непосредственный начальник Древнюка Клейменов.— А таких положительных людей, как Петр Федорович, мало. Лучше бы все было наоборот.

И Клейменов опять с упреком вздохнул.

— Между прочим, Петр Федорович удивительно похож на моего дядю,— не совсем кстати заметила машинистка Кириллова.— Правда, только внешне похож. Потому что в душе мой дядя грубый.

— Бывают такие совпадения,— согласился Древнюк.— Меня однажды в ресторане за народного артиста приняли. Петь просили. Еле убежал.

— Вот мы здесь говорим, говорим о Петре Федоровиче, и все исключительно положительное,— подытожил Чванов, ответственный за бытовой сектор месткома.— Значит, редкостной души человек покидает нас. Значит, надо бы скинуться по нескольку рублей внутри отделов на подарки.

Деньги собрали быстро и почти без отговорок со стороны сотрудников. Не откладывая дела, отправились к Мудрову согласовать ассортимент памятных подарков. Чтобы не попасть впросак и не подарить на добрую память что-нибудь обидное.

В целом ассортимент подарков Мудров одобрил. Ночник в виде крестьянской избушки, запорошенной снегом, Петр Федорович согласился принять сразу: он и сам уже присматривался к этой вещи в магазине по соседству. Не вызвала возражений и кандидатура музыкального будильника с мелодией лирической песни «Выхожу один я на дорогу». Только оправленный в серебро рог — дар Кавказа — Петр Федорович отверг, как вещь дорогую, но бесполезную, и попросил заменить ее фланелевой пижамой пятидесятого размера.

— Пижама по цене не дороже, но гораздо практичнее,— заметил при этом Петр Федорович.

Потом он окинул нас благодарным взором и тепло сказал:

— Судя по подаркам, вы жалеете, что я ухожу.

Подумал и добавил:

— И правильно делаете, что жалеете.

— Действительно, Петр Федорович, ни одного приказа не читал я с такой болью, как приказ о твоем увольнении,— в который уже раз сегодня расчувствовался Древнюк.— Не знаю, за что, но люблю я тебя, как родного.

Все мы согласно кивнули головами: дескать, можно ли его, Петра Федоровича, не любить, как родного? Душа-человек.

— Спасибо,— поблагодарил Мудров.— И за любовь спасибо и за подарки, которые вы мне хотите купить. Правильно делаете, что так хорошо провожаете меня. Тут, правда, Древнюк засомневался, есть ли за что меня любить. Зря сомневался. Есть за что.

— Еще бы! Таких положительных людей, как вы, сейчас мало,— вздохнул непосредственный начальник Древнюка Клейменов.— Редко встретишь человека, на которого может положиться начальство.

— Вы, Петр Федорович, очень напоминаете мне одного юношу, в которого я была влюблена в восьмом классе,— поведала Кириллова.— Правда, только внутренними качествами напоминаете. А внешне тот юноша был настоящий красавец.

— Не пьете, Петр Федорович, не курите. В товарищеском суде не разбирались,— подвел черту Чванов, ответственный за бытовой сектор.— Значит, в вашем лице мы имеем редкостной души человека.

— Это все верно,— согласился Мудров.— Только не за это вы меня любите. Поскольку я теперь уже увольняюсь, то могу объяснить, в чем тут дело.

Мы были заинтригованы. И так как, будучи при исполнении общественного поручения, могли не спешить на рабочие места, мы расположились поудобнее и приготовились слушать.

— Три года я проработал здесь, у вас,— издалека начал Петр Федорович Мудров.— И никому никогда не сделал гадости.

Слово «гадость» душа-человек произнес с особой теплотой, даже нежностью, будто бы речь шла о чем-то очень хорошем.

— А возможности были большие,— продолжал он.— В таком коллективе, как наш, развернуться можно было вовсю. Каждый день при желании по две гадости делать... Вот, например, возьмем Древнюка. Человек он, конечно, неплохой, но горяч и неуравновешен. Почти разбойник. Поэтому и выговоров у него, что листков в календаре, исключая выходные и праздники. Ему гадость проще простого устроить. Его чуть подзавести — он такое сгоряча натворит, что пробкой с работы вылетит. Само собой, без всяких памятных подарков. Так-то вот. Все очень просто, совершенно безопасно, а эффект значительный.

Древнюк засопел.

— Впрочем, Древнюк — это не добыча,— улыбнулся Петр Федорович.— С него и увольнение, как с гуся вода. А вот Клейменов — совсем другое дело. Он хоть и начальник Древнюка, но существо впечатлительное, бесхарактерное. Почти тряпка. Тут и гадость-то нужна вот такая, крохотная.

Мудров показал самый кончик мизинца.

— И этого хватит. Тут же расстроилось впечатлительное существо, загоревало, запило. А там, глядишь, и совсем спилось. Моральный облик потеряло.

Петр Федорович довольно потер руки и обратил свой взор на Кириллову.

— Ну, о прекрасном поле я уж и не говорю. В отношении его фантазия так прямо и разыгрывается. Такие гадости сами собой в голову приходят, что даже сказать при даме неприлично.

Рассказчик коротко, но весело посмеялся каким-то своим невысказанным мыслям и оживился еще более.

— Я не вижу вокруг ни одного человека, которому нельзя было бы сделать гадость! — звонко и както молодо воскликнул Мудров.

Он даже встал и в волнении прошелся по комнате.

— Надо только к каждому подход найти,— продолжал Петр Федорович,— подноготную знать, в доверие войти. На доверии гадость строится лучше всего.

Сделав такой поучительный вывод, Мудров сокрушенно покачал головой.

— Ухожу от вас. Ухожу, не сделав за три года ни одной гадости. Так что, товарищ Древнюк, любовь коллектива я заслужил.

Душа-человек победоносно поднял подбородок.

— Правильно вы делаете, что так хорошо провожаете меня. Спасибо. И за любовь спасибо и за подарки, которые вы собираетесь купить.

* * *

Хотя мы могли не спешить, потому что находились при исполнении общественного поручения, разговор на этом закончился.

В коридоре невольно задержались у доски приказов.

— Чего только в жизни не бывает,— философски сказал Древнюк.— Меня однажды за народного артиста по ошибке приняли. Еле убежал.

— Все люди внешне похожи на одних, а внутренне — на других,— не совсем кстати, но тоже глубокомысленно заметила Кириллова.

— Да, исключительно редкостной души человек покидает нас,— подытожил Чванов.

Клейменов промолчал и только вздохнул с упреком.

Мы отправились покупать подарки. Ночник в виде крестьянской избушки, музыкальный будильник «Выхожу один я на дорогу», фланелевую пижаму пятидесятого размера — весь одобренный Мудровым ассортимент. И как было не стараться для Петра Федоровича. Душа-человек! Ведь сколько мог гадостей сделать, а ничего — обошлось.

г. Куйбышев.

НОЧЬ В КАРТИННОЙ ГАЛЕРЕЕ

Рисунок И. СЕМЕНОВА

КИТЕЛЬ С НАКИДКОЙ

В преддверии 1971 года модельеры предсказывали, что новый год, изменив капризную женскую моду, в мужскую особенно вмешиваться не станет.

Работники пошивочного ателье Боровского быткомбината (Кустанайская область) досрочно опровергли это утверждение. Они сотворили пенсионеру А. М. Сергиенко еще в прошлом году нечто принципиально новое в истории швейного дела — китель с накидкой. Заказчику на стоимость кителя (с брюками) пришлось накинуть еще 15 рублей. Столько он израсходовал с апреля прошлого года на поездки в поселок Боровской из поселка Краснопресненского зерносовхоза, где проживает.

Непоседливость заказчика была вызвана рядом оригинальных нововведений внесенных в фасон заказанного им костюма, после его он приобрел некую кривизну. В то время как один карман выказал тяготение к манжетам брюк, другой подскочил куда-то в область подмышек, рукава проявили чувство локтя, поднявшись чуть ли не до его уровня, а брюки явили вид пожилого мешка.

Впрочем, все кончилось вполне элегантно. Директор комбината тов. Аргунов мудро признал, что костюм, пошитый его умелыми мастерами, не вполне пригоден к носке, и пострадавшему вернули стоимость. Однако транспортную накидку и потраченное время отчего-то не возвратили.

Нетрудно заметить, что мода на отличный сервис дошла до Боровского в несколько искривленном виде.

Р. БЕРКОВСКИЙ

Обещания длиною в 6400 км

Прошедшим летом руководители бурно растущего колхоза имени Неверова спросили у работников Алтайского краевого сельхозуправления:

— Строить животноводческие фермы нам надо?

— Беспременно!

— Дома для селян?

— Обязательно!

— А лес для строек где взять?

— И лес есть, берите хоть весь

И тут же выдали разнарядку на получение вагона бревен через свою лесозаготовительную контору. С улыбкой. С рукопожатием.

Счет колхоз оплатил, как говорится, сиюминутно, а вагоны с лесом — все мимо да мимо. Колхозный снабженец В. Шевченко примчался в Барнаул к лесозаготовителям. Ему пожали руку, ему улыбнулись, ему галантно сказали: «Не извольте беспокоиться, поезжайте с легким сердцем домой, через день-два все уладится».

Сорвав с календаря энное количество листочков, Шевченко вновь двинулся в Барнаул. И затем путешествовал туда еще три раза. В результате: улыбок — 5, рукопожатий — 5, «не извольте беспокоиться» — 5.

На долю председателя колхоза тов. Бивалькевича, двинувшегося в подкрепление снабженцу той же стезей, пришлось меньше: три улыбки, три рукопожатия и три успокоительные фразы.

От колхоза до краевого центра — 400 километров. Итого председатель и снабженец наездили 6 400 километров, не получив ни одного кубометра леса.

Тов. Шевченко, приложивший к своему письму в редакцию наряд на лес, указал: «Как видите, посылаю не копию, а подлинник. Можете не возвращать. Мы уже накопили целую коллекцию точно таких же бесценных (имею в виду, что они и гроша не стоят) документов».

Б. РОМАНОВ

ЗА КЕМ ОЧЕРЕДЬ?

Хороший почин сделали работники детской консультации города Темрюка. На двери кабинета дежурного врача появилась надпись:

ДЕТИ МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ И ДЕТИ ДО ОДНОГО ГОДА ПРИНИМАЮТСЯ ВНЕ ОЧЕРЕДИ.

Глядишь, скоро и стены магазинов украсят объявления о том, что потомкам, родственникам и близким знакомым тружеников торговых точек товары отпускаются без очереди.

Ну, а служители других профессий — шоферы, учителя, рыбаки? О чем думают они? Ведь теперь за ними очередь.

Н. ФИЛИТОВА,
литработник районной газеты «Таманец»

Ю. ЗОЛОТАРЕВ

ЗАБЫТЫЙ АДРЕС

Многие граждане в свободное от работы время прежде всего бегут в театр или, допустим, в музей.

Хорошее дело! Но иные успевают в свободное от театра и музея время забежать еще в суд. Тоже, знаете, любопытное и весьма поучительное зрелище!

Я тоже как-то зашел в столичный городской суд, заглянул в один зал, в другой, вдруг слышу: разбираются судьи с некоей Селезневой.

Некая Селезнева, оказывается, глубокой ночью безудержно рвалась в киоск «Союзпечати».

Признаться, я поначалу проникся некоторой симпатией к этой даме.

«Ну что придираются? — думаю.— Может, она такая страстная поклонница свежих газет и журналов, что ей до утра не терпелось? Возможно даже, она подписчица нашего журнала, и ей поскорей хотелось ознакомиться с последним номером?»

Увы, тут же выяснилось, что Селезнева вместе со своей подружкой Крыловой, хлебнув горячительного, металлической болванкой разбила стекло киоска. Забравшись внутрь, она заинтересовалась запертыми в киоске канцелярскими принадлежностями, *которые и унесла, прихватив* заодно пальто киоскерши и две банки огурцов.

А когда обнаружилось, что в другой раз те же дамы, разбив витрину универмага, утащили оттуда платья и комбинации, часы и фотоаппараты, стало абсолютно ясно: любовь к чтению тут ни при чем!

Надо заметить, что они ухитрились натаскать немало добра. Перед ними сразу во весь рост встал вопрос: куда это сбыть? Ну, кое-что можно надеть, огурцы съесть, а остальное? Хоть самим открывать галантерейный киоск или лавочку!

Но частных лавочек у нас нет, поэтому расхитители прибегли к помощи той же госторговли.

Крылова прошла по нескольким московским магазинам, и очень быстро платья перекочевали к продавцам Соколовой, Журкиной и другим.

Все тут было наоборот: вместо того, чтобы самим продавать товар, работники магазина скупали его. Случается, что иные из них реализуют дефицитные вещи из-под прилавка, а тут они сами брали вещи потихоньку, из-под полы.

Потом, правда, продавцы виновато улыбались:

— Так ведь кто ее знает, не догадывались мы, не задумывались.

Но в устах взрослых людей эти оправдания звучат по меньшей мере нелепо.

Кому-кому, а уж им совершенно ясно было, что Крылова торгует краденым. Ее бы свести в милицию, а Крылову вели в служебное помещение магазина, чтобы поторговаться. Недаром ведь Соколова сказала в конце концов:

— В тот момент мне неважно было, откуда взялось платье. Важно было, что оно мне понравилось.

Ну, да. Платье-то модное. Ходить за ним никуда не надо, да и цена подходящая. Почему бы не взять?

А если бы, друзья дорогие, Селезнева и Крылова обокрали как раз тот магазин, в котором потом *нашлись покупатели краденого*? На общем собрании, наверное, продавцы критиковали бы милицию и дирекцию за плохую охрану, пламенно клеймили бы воров. А сами?..

В прошлом году шоферу-экспедитору Кишиневской автотранспортной базы № 31 Чечельницкому поручили перевезти рулоны искусственного меха из Молдавии в Подмосковье.

Чечельницкий проделал эту операцию с большим искусством: украл мех, едва прибыв в столицу. Видимо, у него был уже опыт, не зря же его дважды судили до этого.

Но ведь украсть мало, надо еще выгодно сбыть уворованное. Чечельницкому даже не понадобилось отлучаться из подмосковной гостиницы, где он остановился. Он реализовал товар, так сказать, не отходя от кассы.

На мех польстилась прежде всего буфетчица гостиницы Губанова. Ее могла бы предостеречь паспортистка Фрайфельд, но она сама клюнула на ту же «меховую» удочку. Ее могла бы вовремя остановить администратор Жукова, но и та оказалась в положении «левой» покупательницы.

Короче, Чечельницкий сразу заработал столько, что заказывал себе десятирублевый завтрак, а после обеда с возлияниями вообще уже не мог «мама» сказать.

Ну, а его покупатели весьма четко говорили все те же слова:

— Не знали, не думали, не догадывались.

Но, помилуйте, Чечельницкий торговал мехом чуть ли не из стоящей на дороге машины, сделка завершалась не в магазине или на рынке, а на частной квартире одной из работниц гостиницы.

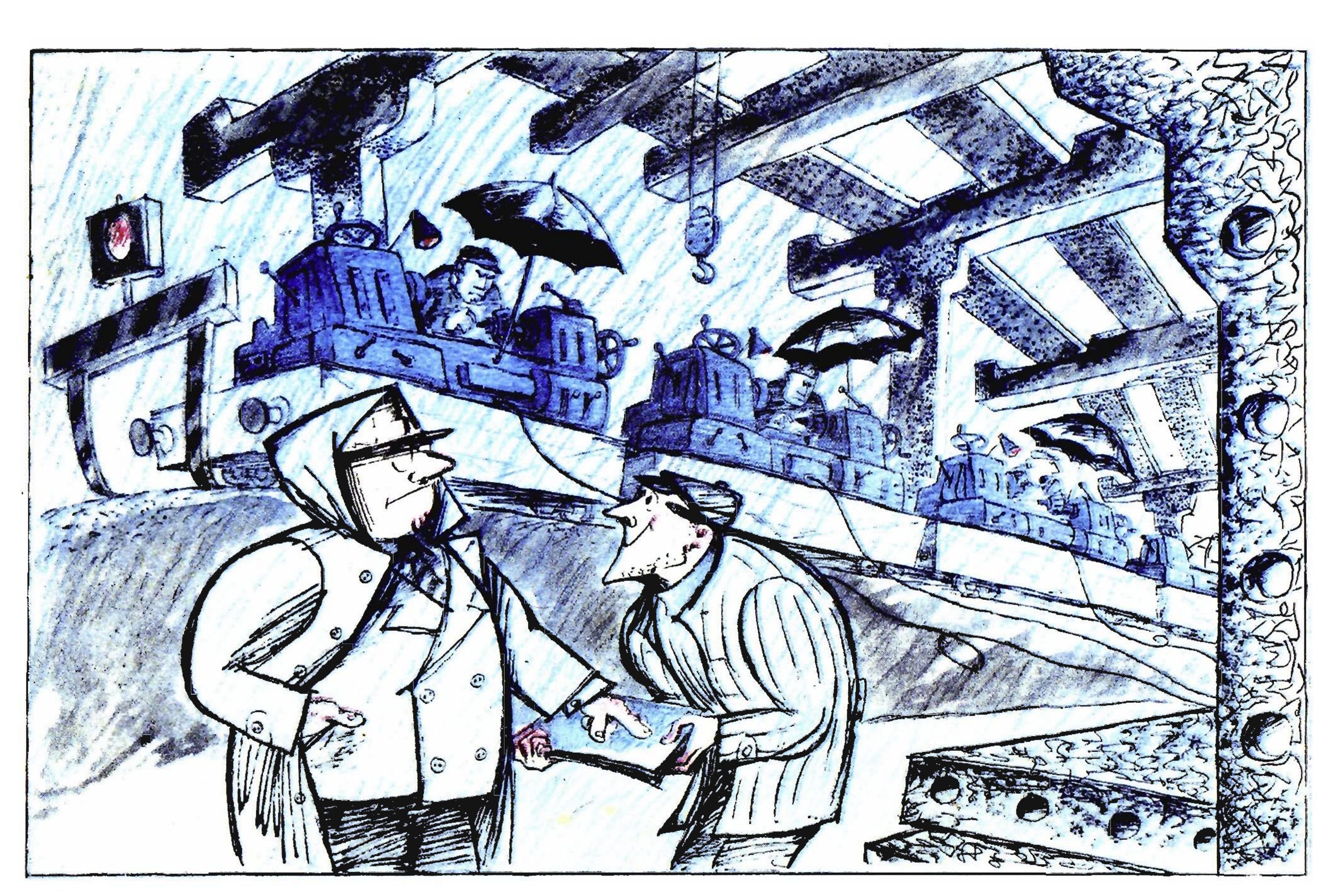
Куда уж яснее!

Ох, как часто мы горюем по поводу утечки запчастей и стройматериалов, мечем громы и молнии в адрес расхитителей различных товаров, забывая при этом недвусмысленно высказаться в собственный адрес!

Как часто мы благородно негодуем, требуем суровых наказаний ворам, как-то забывая о том, что сами порой создаем для них питательную среду.

Справедливости ради надо сказать, что многие из тех, кто здесь назван, вполне добровольно и сознательно сдали потом купленные ими вещи в милицию.

Но куда правильнее поступили бы они, не покупая краденого.

— Пиши: «Оборудование прибыло, к работе приступили»...

Рисунок Г. и В. КАРАВАЕВЫХ

Н. ФЕДЮРКО

СОКРАЩЕНИЕ ШТАТОВ И ПОДХАЛИМ

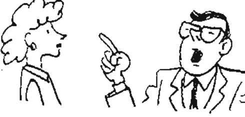
Оно его
нисколько
не тревожит:
Рожденный ползать
вылететь не может.

НЕ ПРОСТО ВЛЮБЛЕННЫЙ

Не просто,
а очень серьезно
влюбленный,
Он в девять ноль-ноль
говорил подчиненной:
— Я выяснить наши
решил отношенья.
Прошу к десяти
подготовить решенье!

— Они уже ведут себя, как настоящие солдаты: вовсю дезертируют...

Рисунок В. ШКАРБАНА

"ПРЕДОТВРАТИТЕЛИ"

Однажды, просматривая телефонный справочник Нью-Йорка в поисках нужного мне телефона, я наткнулся на название организации, о существовании которой раньше и не подозревал,— «Общество по предотвращению третьей мировой войны». На всякий случай спросил у нескольких своих коллег-журналистов, работающих в Нью-Йорке. Никто ничего не знал об этом обществе.

Подстегиваемый любопытством, я отправился по указанному в справочнике адресу.

Одна из улиц в центре Нью-Йорка. Административное здание, в котором обосновались главным образом небольшие студии звукозаписи и другие мелкие фирмы. Смотрю на указатель контор, занимающих здание. Действительно, «Общество по предотвращению третьей мировой войны» здесь. Поднимаюсь на лифте.

Через приоткрытую дверь и предохранительную цепочку благостный старичок долго выпытывал у меня, кто я такой и что мне нужно. Наконец он впустил меня и, как бы извиняясь, объяснил, что, дескать, в здании бывает «много разного народа» и вообще в Нью-Йорке очень велика преступность.

Общество по предотвращению войны, которое панически боится уголовников... Ну ладно, надо познакомиться поближе.

Благообразный старичок оказался Фредом Кауфманом, исполнительным директором общества.

Перво-наперво он заявил мне, что с удовольствием ушел бы на покой, но «что же тогда будет с предотвращением третьей мировой войны?». Это не его собственное мнение, признался он, это — убеждение всех членов общества.

— Сколько вас? — спросил я.

— Около двадцати, — ответил Кауфман, и глаза его горделиво заблестели.

— Двадцать миллионов? — уточнил я, невольно проникаясь уважением к человеку, который направляет на борьбу против войны такую огромную массу американцев.

Старик отрицательно покачал головой.

— Двадцать тысяч? — продолжал домогаться я, удивляясь, так как всегда полагал, что третьей мировой войны не хотят гораздо больше американцев.

Кауфман скромно потупил глаза.

— Двадцать человек, — сказал он еле слышно.

— Чем же конкретно занимается ваше общество? — был мой следующий вопрос.

Старик уже овладел собой и торжественно вручил мне в качестве наглядного пособия последний номер ежеквартального журнала под громким названием «Предотвратить третью мировую войну!». Я мельком пролистал страницы, задержался взглядом на оглавлении: «Цели свободного мира в Индокитае», «Эпохальная война Израиля за независимость». Весьма своеобразные методы борьбы за мир — почти такие же, как у пентагоновских «медных касок».

— Нет, нет, мы кое в чем не согласны с политикой американского правительства, — поспешил заверить меня Кауфман.

И тут же объяснил, что главная задача общества — «распространение знаний, которые просветили бы публику насчет тех условий, которые вызывают войну».

Оказывается, организация предотвращает войну уже больше четверти века. Хотя Кауфман прямо этого не сказал, но чувствовалось его непоколебимое убеждение, что единственная причина, мешающая разразиться третьей мировой войне,— это именно существование «Общества по предотвращению».

Что же это за знания, распространению которых посвятил себя Кауфман, являющийся единственным штатным сотрудником организации, если не считать старушки секретарши?

Взять, например, войну во Вьетнаме. Оказывается, американские вояки не совершают бандитскую агрессию, а... предотвращают войну. Зато в качестве агрессора фигурирует, конечно же, Демократическая Республика Вьетнам, от которой и должен защищаться «свободный мир».

Примерно такая же логика и в вопросе о Ближнем Востоке. В этом случае агрессорами объявляются арабские страны, а Израиль, оказывается, борется за «независимость». Среди «пособников агрессоров» — Советский Союз, социалистические государства и даже Франция, которая — ах, какое коварство! — осмелилась установить эмбарго на торговлю с Израилем.

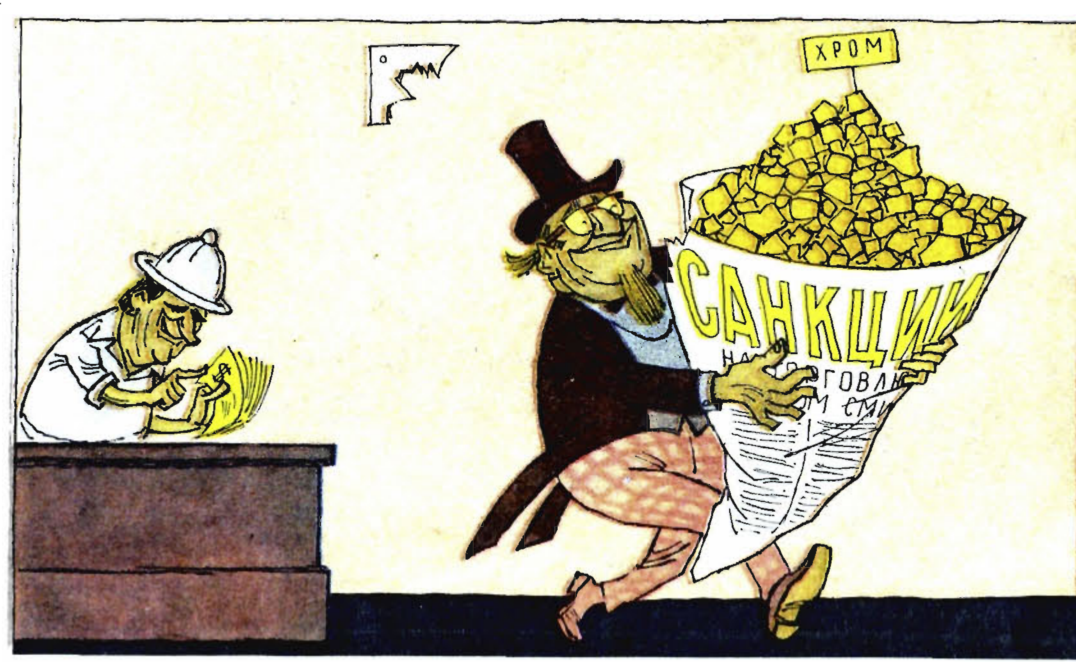
Теперь я уже не удивлялся, почему членов «Общества по предотвращению третьей мировой войны» нет в рядах антивоенных демонстраций и почему об этой организации не знают прогрессивные люди в Америке и в других странах.

...Уходя, я слышал, как гремела цепочка, на которую «предотвратители» старательно запирали свою дверь от нежелательных визитеров.

А. ВОРОНИН,
корреспондент ТАСС в Нью-Йорке

США открыто возобновили закупку хрома в Родезии, поправ тем самым объявленную политику «санкций».

— Как видите, мы ПОДДЕРЖИВАЕМ санкции!

Рисунок М. АБРАМОВА

Л. СТЕПАНОВ

Кровь, проценты и дичь

Все как в кино!

В центре Западного Берлина развернулось уличное сражение. Хлопали пистолетные выстрелы, трещали автоматы. Стрелявшие — их было человек пятьдесят — перебегали от машины к машине, от дерева к дереву, прятались в парадных и подворотнях. Шло побоище между двумя гангстерскими бандами за «сферы влияния»: не поделили улицы, по которым прохаживаются их подопечные девицы, занимающиеся малопочтенной древнейшей профессией.

Самое примечательное в том, что случайные прохожие вначале подумали, будто идет ночная съемка очередного «крими». Все происходило, как в кино или на экране телевидения.

Только потом обнаружилось, что кровь по асфальту текла настоящая. Около изрешеченных пулями машин лежали трое тяжелораненых и один убитый...

Проценты герра Штрауса

Издатель Рудольф Аугштайн, показавший в своем «Шпигеле» финансовые и политические аферы Франца-Йозефа Штрауса, приговорен федеральной судебной палатой к уплате «пострадавшему» 25 тысяч марок. Кроме того, Аугштайн должен оплатить часть судебных издержек, а они, по некоторым подсчетам, составляют... полмиллиона марок! Ведь скандальный процесс продолжался без малого четыре года. И еще совсем уж издевательское: Аугштайн должен выплатить Штраусу четыре процента годовых от суммы в 25 тысяч марок за время судебного разбирательства! Для такого воротилы, как Штраус, это, конечно, мелочь, но пусть в ФРГ знает каждый: «С сильным не дерись, со Штраусом не судись!»

Сиятельная дичь

Его сиятельство князь Отто фон Бисмарк устроил в своем фамильном замке пресс-конференцию. Замок находится около Гамбурга, в окружении обширных лесных угодий князя. Поводом для пресс-конференции послужила горькая обида, нанесенная потомку «железного канцлера» со стороны неделикатного населения Гамбурга.

Отто фон Бисмарк повелел оградить 4 тысячи моргенов леса железной оградой. Наткнувшись на нее в воскресный день, гамбуржцы не только обругали его сиятельство «собакой на сене», но и посмели предположить, что князь чурается своих сограждан.

Целью княжеской пресс-конференции было отмести вздорные предположения плебса и объяснить широкой общественности истинную причину появления решетки.

Дело в том, заявил Отто фон Бисмарк, что он имел в виду не только «защитить дичь от нежелательных посетителей леса», но в еще большей мере «защитить самих этих посетителей от опасных рогатых зверей».

Таким образом, побуждения его сиятельства были самыми благородными. Тем более, что в старогерманском обычном праве есть положение, обязывающее князя заботиться о безопасности своих подданных.

Е. МАТВЕЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

ТАК ДЕЛО НЕ ПОЙДЕТ

Ходьба не роскошь, а средство передвижения.

И еще: это средство прямо-таки укрепляет сердечно-сосудистую и нервную систему пешеходствующих граждан. И не зря в их среде выкристаллизовался прекрасный лозунг: «Пешком — от инфаркта!»

Но только он пока еще мало до кого доходит. А некоторые и вовсе относятся к ходьбе так недопустимо прохладно, что ситуации на этой почве возникают, я бы сказал, драматические и даже с некоторым мордобитием.

Что там далеко ходить: в Липецке было.

В Липецке, по сути дела, тракторный завод есть. И среди работающих на этом заводе крайне много активных почитателей трамвайно-автобусной езды, которые всякий раз в конце смены бывают обуреваемы стремлением попасть на остановку раньше других. И стремление это настолько нешуточно, что в цехах специально отбирают у всех пропуска, чтоб в рабочее время никто бы и думать не смел удрать с завода.

Ну, и не удирают. Дожидаются конца смены, когда пропуск можно будет заполучить обратно.

И возле окошечка табельной ажиотаж при этом поднимается, и не очень здоровый при этом. Один, смотришь, выдержку в ажиотаже потерял, другой — достоинство, а третий и вовсе — лицо. Собственное.

Работали в третьем тракторном цехе два человека — мастер Коровин и слесарь Караваев. И оба такие люди, что пешком — ни в какую.

Работали себе, работали на здоровье, каждый сам по себе на своем номере транспорта ездил, сам по себе пропуск из табельной выцарапывал.

Но только однажды мастер Коровин подошел вдруг к слесарю Караваеву с чуть-чуть других позиций. Он обратил внимание на то, что слесарь Караваев, во-первых, крепок физически, а во-вторых, в его подчинении — фактически.

Да и попросил слесаря Караваева заодно со своим получить в табельной и его, мастера Коровина, пропуск.

И тот стал получать. Получает, а сам в адрес мастера разные определенные слова произносит в раздражении. Не желал он для него в очереди стараться.

Но он, хоть и вполне определенно выражался, однако — в душе. И выражения эти начали там скапливаться, и в конце концов они там стали, как пассажиры в автобусе в час «пик»: внутри уже битком, и всем поскорее наружу охота вырваться.

Вот это вот пиковое положение в слесаревой душе мастер Коровин и проморгал на свою беду, и в который уже раз послал того за пропуском.

Встрепыхнулось тут сердце слесаря Караваева, но собрал он волю в кулак и не только не перешел от слов к делу, но и самих накипевших слов пока что не произнес вслух. К табельной пошел и стал гневно тискаться к окошечку.

И тут его терпение лопнуло. Случайный какой-то стоявший в очереди дядя прикрикнул на него:

— Прекратить сейчас! Ты в лесу не находишься!

Слесарь Караваев на этом месте и расходился. Съев случайного дядю глазами, он припустился на поиски своего мастера.

Нашел, отдал пропуск, напроизносил таких-сяких слов и живо перешел от слов к делу.

Дело сначала получилось нехитрое: изумленный мастер был излуплен категорически и в кровь и даже в легком нокауте повалялся.

Потом дело чуть-чуть усложнилось, дойдя до Тракторозаводского отделения милиции, куда мастер Коровин привез на трамвае свое заявление. Тут уже проводилась беседа и с потерпевшим и с нестерпевшим. Слесарю отсоветовали впредь волтузить мастеров по всяким пустякам, а мастеру отсоветовали обременять пустяками и без того перегруженное работой Тракторозаводское отделение милиции.

После чего дело еще несколько приусложнилось. Мастер Коровин съездил на автобусе в народный суд Левобережного района, и в результате там возникла папка с надписью «Дело №...».

Но и тут «Делу» не удалось посуществовать как следует. Тут тоже смутились в конце концов чепуховостью «мотивов преступления» и передали дело в суд товарищеский, в самый что ни на есть третий тракторный цех то есть.

А в цехе ужаснулись. Очень много шуму, а из ничего могло получиться... Срочно взялись мирить побитого и побившего. По-товарищески мирили, в кабинете начальника цеха, куда и снаружи шум не доносится и откуда наружу тоже ничего не просачивается. И хотя непрощавший мастер ярко демонстрировал все еще имевшие место синяки, дело потихоньку поехало на тормозах.

Почему мы и вмешиваемся. Нам до этого хотя бы вот какое дело: мы за ходьбу, как таковую, ратуем. А тут как раз из-за недопонимания ее целей и задач, из-за ненужного увлечения городским транспортом вон чего вышло! И хочется серьезно побрюзжать в адрес суда и милиции, не доведших до широких масс эту поучительную историю, из которой те могли бы сделать далеко идущий вывод: как важно для своего здоровья и здоровья окружающих товарищей смелее пользоваться пешеходными дорожками и тротуарами.

«Дорогу спокойным пешеходам-энтузиастам!» — вот на какой позиции мы стоим.

И еще. Гражданин был бит, и как тут ни суди, а судить за это надо. И суд должен дать ход этому делу.

г. Липецк

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Объяснительная
Я, Шакула М. Г., не был на работе с 11 декабря 1970 г. по 6 января 1971 г. в связи с семейными обстоятельствами. Все эти дни я использовал на свои личные неурядицы. В итоге женился и теперь готов приступить к работе».

Прислала Н. Овдиенко, г. Новая Каховка

«По улице Федеративной № 2 продается картошка и два человека на квартиру».

Копию снял В. Ефремов, Тюменская область

«Юные зрители бурно аплодировали благополучному концу Красной Шапочки».

(Из радиопередачи)

Записали Т. и О. Дмитриевские, г. Москва

«Объяснительная записка
Я, ученик токаря цеха № 8 Кириченко Ю. С., отлучился из цеха из-за того, что смотрел футбол в заводском общежитии. И если вы уважаете футбол, то вы должны меня понять, что не посмотреть этот матч я не мог».

Прислал А. Самарчянц, г. Нальчик

«После осмотра четырех ног из кабана, Ковтун заявил, что эти ноги принадлежат его теще Кругляк».

«Кирдеев сразу заметил, что задняя часть туши была уворована через замочную скважину».

(Из судебных документов)

Выписал И. Гурковский, г. Сумы

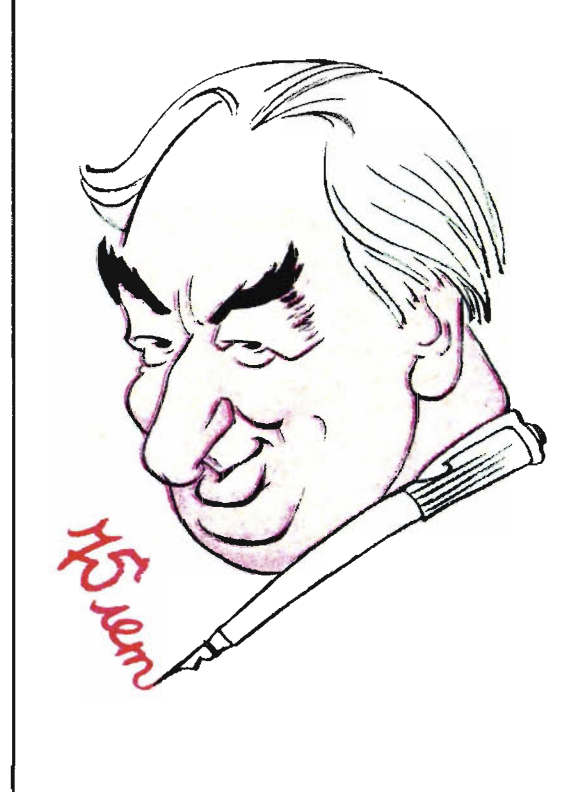
«Головные уборы и шарфы не принимаются ввиду неудобств».

(Объявление в столовой № 20)

Прислал А. Ларин, г. Куйбышев

Владимир Захарович МАСС

(к 75-летию со дня рождения)

Дружеский шарж Н. ЛИСОГОРСКОГО

КРОКОДИЛЬСКИЙ УЗЕЛ СВЯЗИ
март 1971

ПОЭЗИЯ: доверительные строки

г. Кострома, П-ву, сочинившему:

Тебя пишу я,
И пиша,
В груди бушует
Моя душа.
Потом гляжу я:
— Как хороша!
И вновь бушует
Рука, пиша.

Одна уша
И вторая уша,
На голове
Симметрично виша,
Услышав о том,
Что бушует душа,
Сочувствуют ей,
Свои мочки чеша.

г. Смоленск, В-ву А. А.

Приняли к сведению Ваше замечание:

«Чтобы отделать ту или иную вещь до определенного блеска, мне необходимо как бы замкнуть произведение своим чувством, чтобы по нему (как бы электрический ток) пробежала моя интуитивная догадка и соединила разрозненные части целого».

Но не догадка бегает по Вашему произведению:

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом...
Белеет вдоль стены высокой
Белье на этаже шестом.
К нему и кошка не прорыщет,
И мышь, и птица не летит...
Лишь только ветер грустно свищет
И простынь плещет, словно кит.

А бегают по нему как бы интуитивно, подсознательно как бы кошка, мышь и птица. Конечно, если приглядеться, они вовсе как бы и не бегают, а отсиживаются кто где, испугавшись чудовищной простыни, которая олицетворяет у Вас одновременно парус и кита. Данное совместительство простыни (хотя и соединяет как бы разрозненные части целого) препятствует замыканию произведения, не дает повесить на петли рифм хорошее, увесистое чувство.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«ЗЛОСЧАСТНАЯ «ПОБЕДА»

Уже пять лет мучается вопросом житель города Армавира М. Тимофеев: что делать с останками своей давно состарившейся «Победы»? Немало организаций занимается приемом вторсырья — Вторчермет, Вторсырье, Вторцветмет, — но, оказывается, никто не принимает сырье от частных лиц. Вернее, некоторые принимают, но только не цветной металл.

О злоключениях М. Тимофеева рассказывалось в заметке «Злосчастная «Победа» («Крокодил» № 30 за прошлый год).

Как сообщает секретарь Армавирского горсовета депутатов трудящихся тов. Полуян, в настоящее время достигнута договоренность между конторой Союзглаввторсырье и производственной площадкой Вторцветмета, что последняя будет принимать от своих контрагентов «в виде бытового лома и цветной металл (радиаторы)».

ВЫХОДИМ НА СВЯЗЬ

СЛАДКАЯ ЖИЗНЬ

(Дополнение к рисунку из 1-го номера «Крокодила»)

— Сплавал бы в Индию: у нас перец и корица кончились!

«Захвати уж кстати и горчицы! — **просят жители Котельниковского района, Волгоградской области.** — На полях собираем по 10—11 центнеров с гектара, а в магазинах не сыщешь...»

П. МЕШКОВ

АВТОР ОБНАРУЖЕН

Вероятно, читатели приметили фотографию чайника с диковинным носиком, чайника, которым обычный смертный чаелюб не может пользоваться без опаски. Эта фотография, а вместе с ней и заметка «Автора!» были опубликованы в «Крокодильском узле связи» («Крокодил» № 2 за 1971 год).

Прислал ее Л. Стефанов, обнаруживший чайник в гостинице «Бахчисарай» в городе того же названия. Но вот чего он не смог обнаружить — это данных о том, кто изготовил оригинальную новинку.

Около пятидесяти читателей журнала с готовностью пришли на помощь Л. Стефанову. В отличие от него они раздобыли инструкцию, как надо пользоваться диковинным чайником, а на инструкции — адрес предприятия-изготовителя: завод «Электробытприбор», Молдавская ССР, город Сороки, улица Егорова, 1.

Пятьдесят писем! Вот сколько оказалось пострадавших. А мы, признаться, вначале думали, что уникальный чайник изготовлен случайно, да и то в одном экземпляре.

Лед тронулся, друзья-энциклопедисты! Да еще как! Почтальон, которому по графику полагался отпуск в августе, потребовал отдыха в феврале — до того намаялся бедняга, таскаючи тюки с вашими письмами.

И вот перед вами итог беспощадного естественного отбора — выжили остроумнейшие. Благодарим и поздравляем!

Сегодня мы даем наметки примерного словничка на очередные три буквы. Если есть возможность отпечатать ответы на машинке, не упускайте такой возможности.

Кстати, авторов опубликованной сегодня части энциклопедии просим сообщить нам свои точные адреса, имена и отчества, памятуя, что гражданин Руссо тоже не ограничивался невнятным Ж-Ж, а четко и разборчиво выводил Жан-Жак.

Г.

Гадить
Гак (с гаком)
Галантность
Галочка
Гангстер
Гарантия
Гарем
Гаркать
Гастроль
Гвоздь
Гений
Геркулес
Гибкость
Гипноз
Гиря
Глубинка
Гнев
Гол
Голова
Голубая мечта
Гонор
Гомерический смех
Гоп
Гордиев узел
Горох об стенку
Гостиница
Графоман
Грех
Грязь
Гулянье
Гусь

Д.

Давай-ка
Давка
Дактилоскопия
Дарвин
Дармоед
Дважды два
Двоеженец
Двойка
Двор
Двуличие
Дебошир
Декольте
Демагогия
Деньги
Деспот
Дети
Детсад
Детство
Джаз
Джигит
Диета
Дикарь
Диплом
Диссертация
Дисциплина
Доброжелатель
Долголетие
Доллар
Домкрат
Домовой
Донжуан
Дотация
Дочь
Дрессировка
Друг-приятель
Дублер
Дупло
Душа
Дуэль
Дьявол
Дядя (добрый)

Е.

Егоза
Еда
Едва-едва
Единодушие
Еж
Ей-ей
Елка
Ералаш
Естествоиспытатель
Ехидна

АБИТУРИЕНТ — молодой человек в возрасте 17—20 лет. Может быть как женского, так и мужского пола. Распространен по всей территории СССР. Отличается от других видов человека средней образованностью, постоянным вопросом, а иногда и страхом во взгляде. Скапливается в огромные косяки при поступлении в вузы; студент без портфеля; антипод моряка: чем больше баллов, тем спокойнее на душе.

АБСТРАКЦИОНИЗМ — искусство, ничего не выражающее самыми различными выразительными средствами.

АБСУРД — 1) воробей, несущий в когтях колхозного быка; 2) чужие мысли, которые расходятся с вашими.

АВАНС — материализованное доверие.

АВОСЬ — 1) экономический метод прогнозирования, позволяющий решать задачи с несколькими неизвестными, не прибегая к помощи вычислительной техники. Вселяет надежды в многочисленных владельцев авосек, лотерейных билетов и т. д.; 2) надежда абитуриента; 3) муж авоськи.

АВРАЛ — 1) (на производстве) спасение премиальных любыми средствами; 2) спасательный круг для тонущего плана.

АВТОЛЮБИТЕЛЬ — слесарь поневоле; жертва технического прогресса; мужчина, женатый на автомашине.

АВТОМАТ — 1) (в торговле) прибор, лишенный возможности нагрубить вам; 2) механизм, который заменяет продавца, который становится техником, который налаживает автомат, который заменяет продавца, который...; 3) механизм, нередко подвергающийся кулачной расправе.

АВТОМАШИНА — средство передвижения для поиска к нему запчастей.

АГРАРНЫЕ ОТНОШЕНИЯ — отношения между сослуживцами, старающимися закопать друг друга.

АГРЕССИЯ — силовой прием в политике с нарушением правил.

АД — 1) место в преисподней, о котором мечтает пассажир автобуса в часы «пик»; 2) горячий цех по религиозной обработке верующих; 3) место творческой командировки поэта Данте. Другие поэты и прозаики из-за отдаленности и плохого сообщения туда еще не добирались.

АИСТ — единственная живородящая птица, от которой произошли на земле дети. Взрослые, как известно, ведут свой род от обезьяны.

АКУЛА — 1) плавающая мясорубка; 2) килька на руководящей работе.

АНГЕЛ — орудовец, улыбающийся шоферу.

АНОНИМКА — послание, в котором автор скрывает имя, но показывает свое настоящее лицо.

АЛИМЕНТЩИК — дальний родственник родным детям; отец-заочник.

АЛФАВИТ — 1) тщательно отредактированный словарь; 2) россыпь букв с оборванной нити слов.

АМУР — стрелочник. Всегда вооружен стрелами и всегда виноват; в наши дни часто отстает от жизни. Темпы не те. Пока проканителится с луком да стрелами, влюбленные уже швыряют друг в друга обручальными кольцами.

АРХИВ — единственное учреждение, где передовиком считается сотрудник, лучше всех маринующий бумаги.

АСКЕТ — 1) человек, доставляющий себе удовольствие отказом от удовольствий; 2) профессор, обедающий в студенческой столовой.

АСПИРАНТ — 1) ученый кот в мешке; 2) студент сверхсрочной службы.

АСФАЛЬТ — материал, которым покрывают шоссе и тротуары, перед тем как начать земляные работы.

АХИЛЛЕСОВА ПЯТА — слабое место головы.

БАБУШКА — 1) член семьи, не вылезающий из пеленок; 2) камера хранения внуков.

БАКЛУШИ — самый небьющийся товар.

БАНКЕТ — поминки по защищенной диссертации.

БАР — ресторан после сокращения штатов и меню.

БАРАБАН — музыкальный инструмент, *работающий из-под палки.*

БАРАНКА — насущный хлеб водителя.

БАСНЯ — 1) наименее опасный вид критики снизу; 2) плохой корм для соловья.

БЕЗВКУСИЦА — похороны оперного дирижера в сопровождении джаз-оркестра.

БЕЗРЫБЬЕ — 1) объективная причина, порождающая карьеризм и чванство у раков; 2) место скопления рыбаков.

БЕЗБОРОДЫЙ — пожилой человек.

БЕС — существо, вселяющееся без ордера.

БИ-БИ-СИ — радиоферма по выращиванию «уток».

БЛАГОДУШИЕ — то же, что и великодушие, только за государственный счет.

БЛИН — фабрикат, которому для получения Знака качества не следует быть первым.

БЛЮДОЛИЗ — слово, вышедшее из употребления из-за отсутствия фарфоровых блюд.

БЛАТ — наличие дружеских связей по принципу: «Мы — вам, вы — нам». Не путать с системой «и вашим и нашим».

БОГ — личность, не имеющая прецедента. Доисторический очковтиратель. Пользуясь отсутствием народного контроля, приписал себе сотворение мира.

БОРМАШИНА — аппарат, на который почти каждый имеет «зуб».

БОРОДА — предмет, заменяющий галстук-бабочку и шарф.

БРОВЬ — мишень для самокритики.

БРЮЗГА — субъект, стоящий выше склочника и ниже мизантропа.

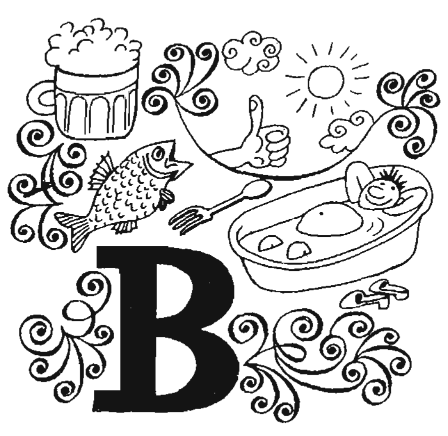
БЮЛЛЕТЕНЬ — командировка на рыбалку.

БУМЕРАНГ — русские сапоги, сделанные в Париже и проданные в Москве.

БУТЫЛКА — известная гастрономическо-арифметическая величина. Делится на три без остатка. Служит определенным коллективам (трио) для «соображения». Несколько подряд «соображенных» б. лишают все трио всякого соображения.

БУМАГА — потусторонняя жизнь дерева.

БУФЕТ — место, где обмывают зарплату, но не моют стаканы.

ВАННА — творческая лаборатория Архимеда. Со времен Архимеда человечество неоднократно мылось в ванне, но уже без всякой пользы для науки.

ВЕРСИЯ — собачка, с помощью которой ищут истину.

ВЗЯТКА — сочетание материального и аморального стимула.

ВНУЧАТА — третье поколение, воспитание которого второе предоставляет первому.

ВО! — самый краткий отчет о летней командировке в Крым.

ВОБЛА — 1) сушеная рыба, иссохшая по пиву; 2) персонаж народных сказаний, притч, былин.

ВОДА — жидкость, с точки зрения алкоголика, обделенная градусами.

ВОДКА — пережиток прошлого, настоящего и будущего.

ВРЕМЯ — испытатель на общественных началах.

ВУЛКАН — кашляющая гора.

ДЕЖУРНЫЕ ЭНЦИКЛОПЕДИСТЫ:

Ю. Андреенко (г. Москва), Б. Барташевич (Тульская обл.), А. Богатырева (Московская обл.), Я. Блюменкранц (г. Полтава), М. Вайсборд (г. Москва), В. Ветряков (Якутская АССР), И. Власенко (г. Омск), В. Волин (г. Москва), В. Волкова (г. Липецк), В. Голуб (г. Борисоглебск), В. Данилов (Воронежская обл.), В. Дашевский (Полтавская обл.), П. Джурихин (г. Москва), С. Дукалов (Московская обл.), В. Заседателев (г. Москва), А. Ибрагимов, С. Иванов (г. Казань), В. Илларионов (г. Вышний Волочек), А. Карасев (Горьковская обл.), М. Крицер, Г. Крымский (г. Уфа), А. Кульгевич (г. Одесса), Ф. Куриц (г. Москва), Л. Левицкий, Ф. Лопарев (г. Конаково), М. Лурье (г. Горький), А. Мальцев (г. Киев), В. Марьяновский (г. Москва), Ц. Меламед (г. Рига), М. Мороз (г. Коростышев), В. Наумов (г. Владивосток), Л. Нефедьев (г. Киев), А. Новогрудский (г. Астрахань), Ф. Носков (Московская обл.), В. Павлушин (г. Рига), В. Панкевич (г. Киев), В. Панченко (г. Воронеж), А. Панфиль (г. Москва), А. Пастернак (Киевская обл.), А. Писков (г. Воронеж), К. Самарин (г. Приозерск), С. Симочкин (г. Херсон), А. Смирнов, Н. Игнатенков (г. Москва), В. Соловьев (г. Ленинград), Н. Соловьев (г. Москва), С. Соловьев (г. Москва), А. Стоврацкий (г. Москва), Б. Сулава (г. Ткварчели), В. Сусликов (Московская обл.), И. Тарабукин (г. Свердловск), С. Тимофеев (г. Алушта), М. Тышлер (г. Одесса), В. Фатеев (г. Кострома), Н. Чаплыгин (г. Острогожск), А. Чикарьков (г. Москва), М. Шишлянников (г. Воронеж), А. Шмидт (г. Павлоград), Н. Шумилов (г. Люберцы), В. Щелыванов (г. Чебоксары), А. Эрмех (г. Ленинград), С. Ясинский (Курганская обл.).

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

●

Американский Запад. Путешественник тормозит машину около одинокой бедной фермы и просит разрешения переночевать. В беседе с фермером он спрашивает:

— Как вам удается содержать ферму и не разориться?

Фермер указывает на парня, сидящего рядом на скамье:

— Вот он работает на меня. Но мне нечем ему платить. Поэтому через два года ферма перейдет в его собственность. Тогда я начну работать на него, пока не смогу выкупить ферму.

●

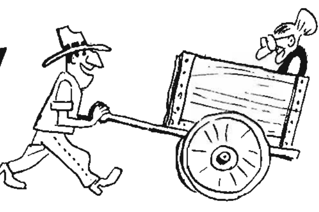
Умер старый капитан. Он более двадцати лет командовал судном и каждый раз, поднявшись на мостик, вынимал из внутреннего кармана какую-то бумажку, внимательно читал ее, шевеля губами, и снова тщательно прятал.

После похорон вся команда собирается в капитанской каюте и с напряженным вниманием следит, как штурман достает из кармана пиджака покойного таинственную бумажку. На ней написано крупными буквами:

«Перед — нос, зад — корма».

Джеймс РИВС (Англия)

МИСТЕР ТОМ НЕРРОУ

Мистер Том Нéрроу
Был странный и нервный.
Засунул он бабушку
В ящик фанерный,
А ящик
Повез на тележке
По городу
И громко кричал:
— Продается недорого!

Встречая его,
Говорили соседи:
— Нет-нет,
Мы не купим
Почтенную леди!
Да мы у такого
зверюги-чудовища
И даром не взяли бы
Даже сокровище!

— К тому же,—
Заметил случайный
прохожий,—
По-моему, как-то
не очень похоже
На то, что бабуленька эта
родимая
В хозяйстве такая уж
Необходимая.

— Вы правы,—
Добавил мужчина
с кошелкой,—
И я в ней не вижу
Ни смысла,
Ни толка.
И, думаю,
Нет никакого сомнения,
Что это
Ненужное
Приобретение.

— Глупцы! —
Крикнул Нерроу,
Странный и нервный.—
Да я продаю
Только ящик фанерный,
А бабушку
Просто вожу
За компанию:
Старушка моя
Обожает
Катание.

Перевел с английского
Вадим ЛЕВИН

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

●

— Кто интеллигентнее — мужчины или женщины?

— Разумеется, женщины! Кто, например, видел женщину, вышедшую замуж лишь потому, что у ее избранника красивые ноги?

●

Биржевого маклера просят рассказать, в чем суть биржевой игры.

— Представьте себе,— говорит он,— что вы покупаете пару кроликов и сажаете их в клетку. Вскоре у вас шесть кроликов. Вы покупаете клетку побольше, и через короткое время вы владелец двадцати кроликов. Прикупаете новые клетки, и очень скоро у вас их больше сотни.

— Как это просто! — удивляется собеседник.

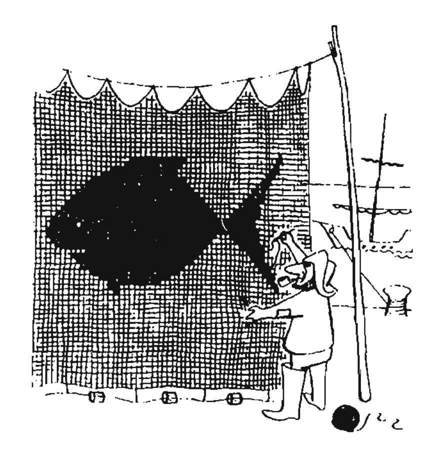
— Да-а... А потом вдруг наводнение, и все ваши кролики погибли, и вы терзаетесь с утра до ночи мыслью: «Почему я с самого начала не купил зеркальных карпов?!»

●

— Мелкий ремонт он делает сам.

«Ойленшпигель», ГДР.

На безрыбье.

«Лудаш мати», Венгрия.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Турхан РАСИЕВ
(Болгария)

Афоризмы

Вертится земля, а головокружение у людей.

Обвинили устрицу в том, что она живет замкнуто.

Молчание — золото, но платят за речи.

В природе ничто не пропадает, только портится.

Зенон ВИКТОРЧИК (Польша)

МАРАФОН

Я влетел в книжный магазин как ветер:

— Говорят, у вас появился замечательный детектив «Тень под носом». Специально отпросился на минутку с работы, чтобы купить. Вы еще не продали?

— Это в соседнем отделе. Подождите продавщицу. Она на минутку вышла, чтобы купить «фары» — темные очки в золотой оправе, их только что завезли в магазин «Оптика».

— «Фары» в золоте? Ого! Мне они нужны позарез! Лечу, может, еще достану! — крикнул я и побежал в «Оптику».

— Прошу три пары очков. Правое стекло минус один, левое...

— Я кассир, я не продаю.

— А кто же продает?

— Продавщица. Она на минуту вышла в магазин «Деликатесы». Там привезли колбасу салями.

— Салями? Так это же моя страсть! Лечу, может, еще достану...

В «Деликатесах» очередь не двигалась.

— Продавщица на минуту вышла в комиссионный магазин,— проинформировала меня пожилая женщина.— Там появились какие-то итальянские рубашки.

— Рубашки? Пригодятся для подарка. Лечу! Может, еще...

Я ворвался в комиссионный магазин как ураган.

— Есть еще рубашки?

— Остались на контроле, спросите у старшего продавца, когда он придет.

— А где он?

— На минуту вышел в книжный. Там выбросили какой-то колоссальный детектив «Тень под носом». Не читали?

КРОКОДИЛ

№ 7 (1981)

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: М. Абрамов, А. Алешичев, М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, В. Жаринов, Г. и В. Караваевы, С. Кузьмин, Ю. Макаренко, Н. Станиловский, А. Чикарьков, Е. Шабельник, А. Штабель (г. Уфа).

Главный редактор
М. Г. СЕМЕНОВ

■

Редакционная коллегия:
М. Э. ВИЛЕНСКИЙ
А. Е. ВИХРЕВ
(зам. главного редактора)
Б. А. ЕГОРОВ
Б. Е. ЕФИМОВ
В. Д. НАДЕИН
И. М. СЕМЕНОВ
С. В. СМИРНОВ
А. А. СУКОНЦЕВ
А. И. ХОДАНОВ
Н. И. ШТАНЬКО
Е. А. ШУКАЕВ
(художественный редактор)

■

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

■

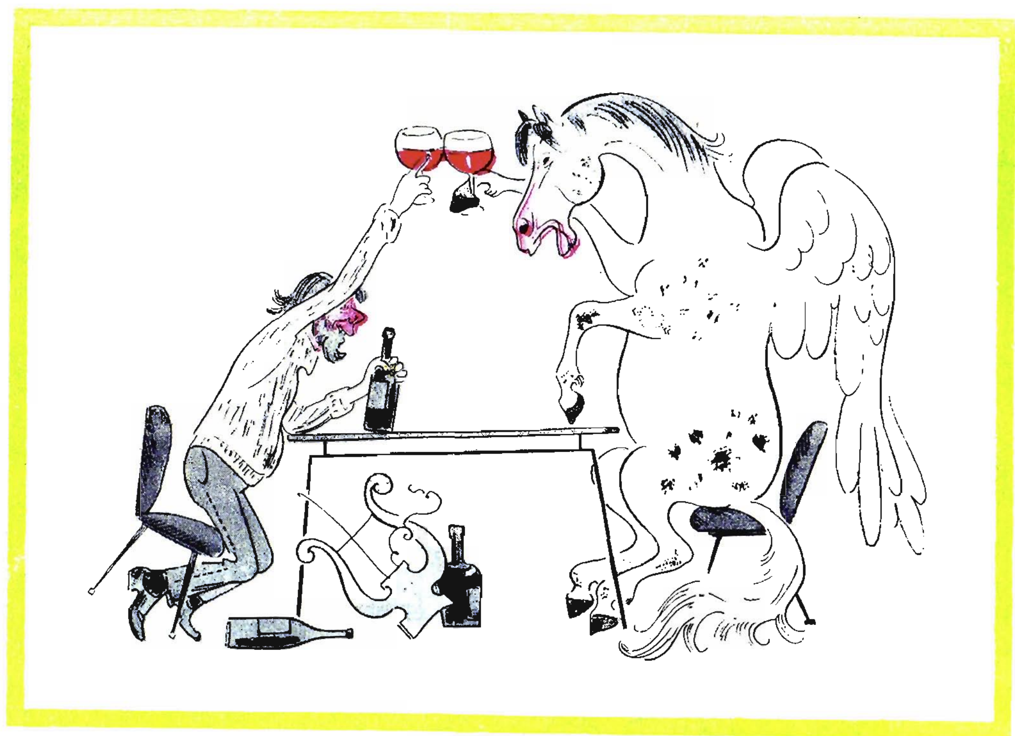
Технический редактор
А. В. КОТЕЛЬНИКОВА

Рукописи не возвращаются.

Сдано в набор 19/II 1971 г. А 00238. Подписано к печати 1/III 1971 г. Формат бумаги 70×108 1/8. Объ 2,80 усл. печ. л. 4,54 изд. л. Тираж 5 000 000 (1 завод: 1 — 3 600 60 Изд. № 431. Заказ № 59

■

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— За наши успехи!
Рисунок М. БИТНОГО

— Да, это, бесспорно, охотничья стоянка!
Рисунок В. ТИЛЬМАНА

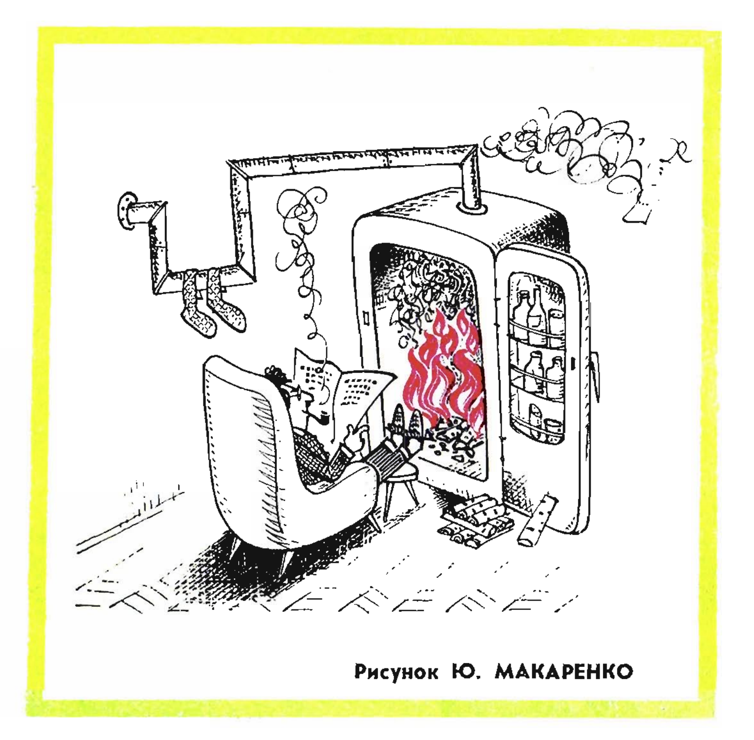
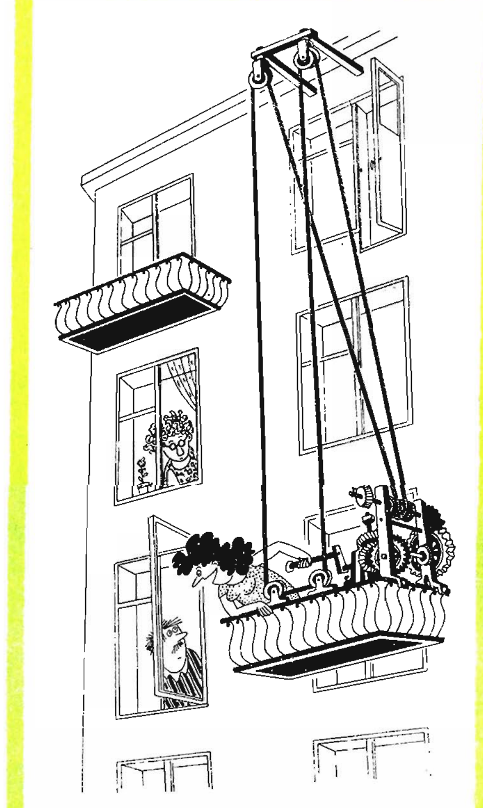
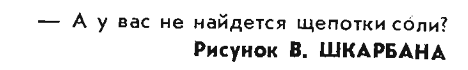

Рисунок Ю. МАКАРЕНКО

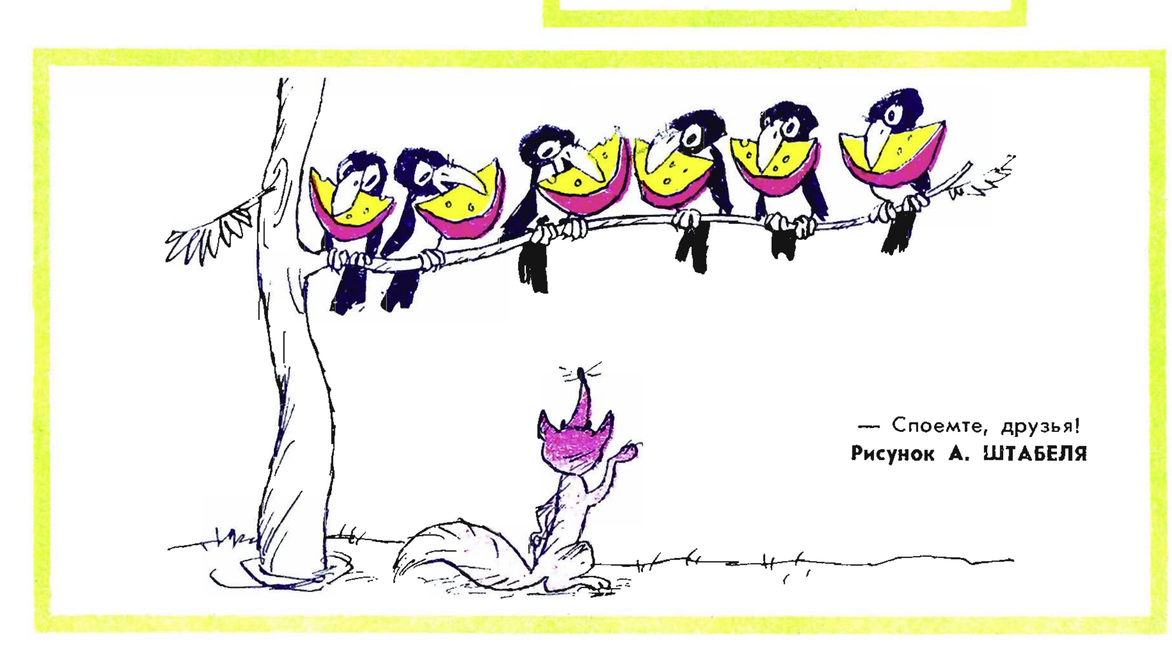

— А у вас не найдется щепотки соли?
Рисунок В. ШКАРБАНА

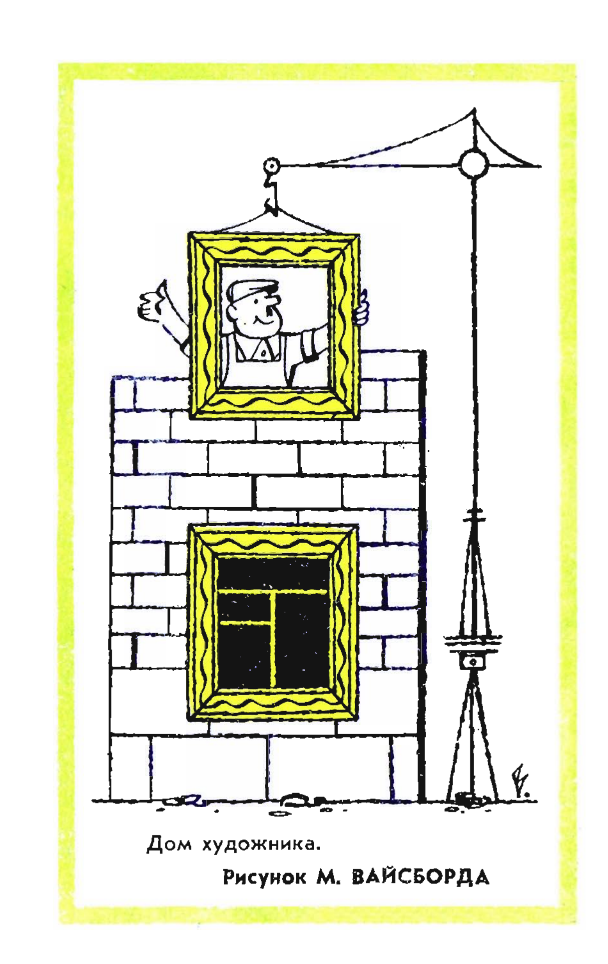

— Непонятно? Показываю еще раз!
Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

— Споемте, друзья!
Рисунок А. ШТАБЕЛЯ

Дом художника.
Рисунок М. ВАЙСБОРДА